

ЗНАНИЕ

Политическая история XX века

Подписная
научно-
популярная
серия

4'91

Л.А.Опенкин
ОТТЕПЕЛЬ:
КАК ЭТО БЫЛО

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

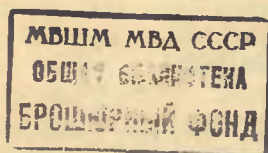
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА

4/1991

Издается ежемесячно с 1991 г.

Л. А. Опенкин,
доктор исторических наук

ОТТЕПЕЛЬ:
КАК ЭТО БЫЛО
(1953 — 1955 гг.)

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ» 1991

ББК 66.3(2)1

О 60

ОПЕНКИН Леонид Антонович — доктор исторических наук, заведующий сектором Научного и информационного центра политической истории Москвы. Автор более 40 научных публикаций по проблемам истории советского общества, научно-технической политики партии.

Редактор — Л. Б. ЯСТРЕБОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Сталин: последний взгляд в будущее .	4
Признаки кризиса системы	13
Политическая оттепель	32
Берия — Хрущев — Маленков: борьба за лидерство	45
Вместо заключения Плюсы и минусы победы Хрущева	60

Опенкин Л. А.

О 60 Оттепель как это было (1953—1955 гг.). — М. Знание, 1991. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер «Политическая история XX века»; № 4)

ISBN 5-07 001920-1

30 к

В чем выражалась внутренняя противоречивость развития нашей страны в послевоенное десятилетие? В каких формах она проявилась после смерти Сталина? Что собой представляла политическая оттепель 1953—1955 гг.? Как протекала борьба за лидерство между Хрущевым и Маленковым и каковы были ее последствия? Поиск ответов на эти и некоторые другие вопросы и составляет содержание брошюры. Ее документальной базой послужили новые, ранее неизвестные архивные источники.

Брошюра рассчитана на лекторов, преподавателей и слушателей народных университетов широкий круг читателей

0803010000

ББК 66.3(2)1

ISBN 5-07-001920-1

© Опенкин Л. А., 1991 г.

В последние годы резко возросла социальная значимость исследований, связанных с обобщением исторического опыта, выявлением противоречий переходных этапов, анализом «человеческого измерения» нашей истории, осмыслением процессов борьбы за политическое лидерство. Свое законное место в ряду перспективных методологических подходов занимает и изучение критических точек истории — таких поворотных моментов исторического движения, которые отличались альтернативной ситуацией. При этом под альтернативой понимается не надуманная современным исследователем модель возможного хода истории, а такое направление, которое реально существовало в жизни, оставив свой след в теории, политике, практике общественного развития, но в силу определенных исторических обстоятельств не стало в последующем доминирующим началом процесса социальных преобразований.

Представляется, что одной из таких критических точек в общественной жизни страны явились годы, следовавшие за смертью Сталина. Весной 1953 г начался отсчет новой полосы советской истории, сложной и противоречивой, вылившейся в конечном итоге в политические инициативы весны 1985 г. Впервые зародившийся тогда вопрос: «Можно ли так жить дальше?» — получил спустя три десятилетия категорично-ясный ответ «Так жить нельзя!»

Что будоражило умы многих представителей народа, который совсем недавно пережил феноменальный духовный взлет, вызванный победой над фашистским агрессором? Прежде всего — тот разрыв, который явственно обозначился между пробуждавшимся самосознанием общества, все отчетливее проявлявшимися интересами трудящихся масс и жесткими формами проявления вновь ожившей авторитарно-бюрократической системы управ-

ления, догматически трактуемым процессом социалистического строительства. Разрыв, проявившийся во многих формах, в том числе и в неоптимистических строках опальной поэтессы послевоенной поры:

Прошло пять лет, — и залечила раны,
Жестокой нанесенные войной,
Страна моя,
и русские поляны
Опять полны студеной тишиной.

В чем конкретно выражалась противоречивость развития страны в послевоенное десятилетие? В каких формах она проявилась после смерти Сталина? Что собой представляла политическая оттепель середины 50-х гг.? Как протекала борьба за лидерство между Хрущевым и Маленковым и каковы были ее последствия? Поиск ответов на эти и некоторые другие вопросы и составит содержание настоящей брошюры.

СТАЛИН: ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Познавая диалектику возможного и действительного в развитии страны 50-х гг., исследовательская мысль прежде всего обязана обратиться к анализу политических взглядов Сталина, оказывавших огромное воздействие на жизнь советского общества 30—40-х гг. и не подвергавшихся (по крайней мере внешне) сомнению вплоть до его кончины. Свое концентрированное выражение эти взгляды получили в последних работах «вождя», объединенных в единый труд, характеризовавшийся недолгое время, как крупнейший вклад в марксистско-ленинскую науку об обществе, науку о строительстве коммунизма.

В предпоследний день работы XIX съезда ВКП(б), 13 октября 1952 г., его делегаты единогласно утвердили резолюцию «О переработке программы Коммунистической партии Советского Союза». Решение этой задачи поручалось комиссии в составе И. В. Сталина (председатель), Л. П. Берия, Л. М. Кагановича, О. В. Куусинена, Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, П. Н. Поспелова, А. М. Румянцева, М. З. Сабурова, Д. И. Чеснокова, П. Ф. Юдина. «При переработке программы, — было записано в постановлении съезда, — руководствоваться основными положениями произведения товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Что же собой представляла эта сталинская работа, столь высоко оцененная участниками партийного форума?

Читатель со стажем, чья пора гражданского становления пришлось на послевоенные годы, наверняка помнит появившийся осенью 1954 г. на прилавках книжных магазинов объемистый том под названием «Политическая экономия. Учебник». С историей его создания и было неразрывно связано появление замечаний Сталина по экономическим вопросам.

Работа над созданием учебника началась еще в довоенный период, сразу после февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б), констатировавшего, что, увлекшись хозяйственными вопросами, члены партии, и в первую очередь руководящие кадры, начали забывать ряд основных истин ленинизма, опыт большевистской партии. Поминая Ленина, Сталин, безусловно, в очередной раз лукавил. В докладе на Пленуме, формулируя тезис о необходимости дополнить традиционный лозунг об овладении техникой положением о политическом воспитании масс, он ставил задачу: на основе резкой активизации идеологической работы закрепить в сознании коммунистов, всего народа свое собственное — сталинское — видение социализма, методов его строительства, не имевшее к концу 30-х гг. уже практически ничего общего с ленинскими идеями 1921—1923 гг.

Целям политического воспитания должны были служить специальные учебники по истории ВКП(б) и СССР, Конституции СССР, политической экономии, решение об издании которых ЦК ВКП(б) принял сразу после упомянутого выше пленума. Так появились ставшая широко известной книга «Краткий курс истории ВКП(б)», ряд других учебных пособий.

По вопросам политической экономии первоначально было решено подготовить два учебника: начальный курс (в вопросах и ответах) под редакцией Л. А. Леонтьева и пособие для более подготовленных читателей под редакцией К. В. Островитянова. Срок для их написания определялся крайне сжатый: полтора-два месяца. Ознакомившись с представленными материалами, руководители ЦК ВКП(б) дали задание Леонтьеву переделать его макет, устранив вопросно-ответную форму и максимально используя положения книги А. А. Богданова «Краткий курс экономической науки». Аналогичные зада-

ния — подготовить макеты учебника политэкономии на базе труда Богданова — получили заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) А. И. Стецкий и его заместитель П. Н. Поспелов. Однако вскоре было принято решение объединить усилия Леонтьева и Стецкого, освободив от этой работы Поспелова¹.

В начале 1938 г. на стол Сталина лег первый вариант учебника. На его обложке значилось: «Политическая экономия. Краткий курс». К этим словам Сталин добавил: «Под редакцией тт. Л. Леонтьева и А. Стецкого». И ниже: «Одобрено Комиссией ЦК ВКП(б) для партийных и комсомольских курсов». Содержание макета явно не удовлетворило Сталина, и он был возвращен для доработки.

Дальнейшая работа над книгой велась под руководством Леонтьева, так как Стецкий вскоре был репрессирован и 1 августа 1938 г. расстрелян. В апреле 1940 г. Сталин познакомился с новым вариантом книги, несколько экземпляров которой было направлено на рецензирование ученым-экономистам Г. П. Косяченко, К. В. Островитянову, А. И. Пашкову. Начиная с лета 1940 г. они также привлекаются к написанию учебника.

Общими усилиями к началу 1941 г. удалось подготовить третий вариант книги. Однако и он вызвал многочисленные замечания со стороны Сталина, который дал указание организовать обсуждение вопросов создания «Краткого курса политэкономии» в ЦК ВКП(б).

Встреча Сталина с авторским коллективом, в которой участвовал также ряд партийных работников, состоялась 29 января 1941 г. В ходе ее Сталин в концентрированном виде сформулировал свои мысли о социализме, характере развития экономики нового общества.

Цель социалистического строительства в СССР, считал Сталин, должна состоять в достижении страной экономической независимости. Решаться эта задача может лишь на основе утверждения принципиально новой системы общественных, и прежде всего экономических отношений, так как законы функционирования социализма, по его мнению, не имеют ничего общего с капитализмом, развитие экономики которого подчинено задаче

¹ См.: Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 133, д. 41, л. 161.

получения максимальной прибыли. Невозможность на основе присущего капитализму принципа народнохозяйственной целесообразности решать задачи социалистического строительства, полагал Сталин, объективно резко суживает сферу применения в СССР экономических методов хозяйствования, придает особую значимость административному началу в организации всей хозяйственной жизни. Именно поэтому, указывал он, особая роль в развитии советской экономики принадлежит государственно-плановому центру.

Важное значение для уяснения представлений Сталина о механизме функционирования экономической сферы при социализме имеет фрагмент записи его речи на указанной встрече, сделанной руководителем Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александровым. По вопросу о предназначении народнохозяйственного планирования Сталин говорил

«Первая задача состоит в том, чтобы обеспечить самостоятельность народного хозяйства страны от капиталистического окружения, чтобы хозяйство не превращалось в придаток капиталистических стран. Надо все иметь в своих руках, не стать придатком капиталистического хозяйства. Это самая общая, но очень и очень важная задача.

Если бы у нас не было такого планирующего центра, обеспечивающего самостоятельность народного хозяйства, промышленность развивалась бы совсем иным путем, все началось бы с легкой промышленности, а не с тяжелой промышленности. Мы же перевернули законы капиталистического хозяйства, поставили их с ног на голову, вернее с головы на ноги. Мы начали с тяжелой промышленности, а не с легкой, и победили. Без планового хозяйства это было бы невозможно.

Ведь как шло развитие капиталистического хозяйства? Во всех странах дело начиналось с легкой промышленности. Почему? Потому, что легкая промышленность приносила наибольшую прибыль. А какое дело отдельным капиталистам до развития черной металлургии, нефтяной промышленности и т. д. Для них важна прибыль, а прибыль приносилась прежде всего легкой промышленностью. Мы же начали с тяжелой промышленности и в этом основа того, что мы не придаток капиталистических хозяйств.

Вторая задача планирующего центра — закрепить безраздельное господство социалистической системы народного хозяйства, строить развитие промышленности, сельского хозяйства в интересах победы социализма, строительства социализма. Задача планирования — закрыть все клапаны для возникновения капитализма. Вот здесь уже на первых порах приходится не считаться с принципом рентабельности предприятий. Дело рентабельности подчинено у нас строительству, прежде всего тяжелой промышленности, которая требует больших вложений со стороны государства, и понятно, что первое время нерентабельна...

Третья задача планирующего центра — не допускать диспропорции в народном хозяйстве. Но в таком большом деле, как народное хозяйство, всегда могут быть отдельные прорывы. На этот случай

надо иметь резервы, как фондов, так и рабочей силы, чтобы перекрывать проорывы»².

Отметив, что для Советского Союза жесткое плановое хозяйство — такая же неизбежность, «как потребление людьми хлеба», Сталин высказал ряд соображений, касающихся создания наиболее благоприятных условий для выполнения государственных планов. При этом вскрывается одна, требующая глубокого осмысления, деталь. Ратуя на рубеже 30—40-х гг. за широкое применение в политике и практике социалистического строительства жестких административных мер воздействия на трудящиеся массы, Сталин в теории всячески подчеркивает роль материального интереса как ведущего стимула трудовой активности.

В учебнике не учтено, замечает он, что люди работают, перевыполняют планы, стремятся больше сделать не только потому, что они стоят у власти, но и потому, что государство их заинтересовывает: «Надо зацепить человека за личные интересы. Для этого — премиальная система для руководителей, сдельная — для рядовых».

Однако глубокого анализа причин широкого распространения в СССР принципа уравнительности, ограничений в оплате труда Сталиным сделано не было. И на этот раз зримо проявилась типично субъективистская сталинская черта — найти конкретного виновника. В описываемом случае им оказался классик. «Энгельс запутал наших людей, — констатировал Сталин. — Он неправильно считал, что при социализме все — и квалифицированные, и неквалифицированные люди, руководители и исполнители должны получать по-среднему. И сейчас у нас люди хотят перескочить через социализм прямо к коммунизму, когда говорят о таком равенстве»³.

Высказав еще ряд мыслей по сути затронутых в книге проблем (о законе стоимости, о соответствии производительных сил производственным отношениям, о роли денег при социализме), Сталин поставил задачу завершить работу над учебником до 15 марта 1941 г.

Указанные сроки были строго выдержаны, однако начавшаяся Великая Отечественная война не позволила осуществить издание.

После окончания войны Сталин вновь возвращается к замыслу выпуска учебника политекономии. Перечитав содержание последнего предвоенного макета, он приходит к заключению, что события второй мировой войны продиктовали необходимость нового прочтения многих проблем общественного развития. В 1946 г. под руководством Л. А. Леонтьева был доработан текст книги, после чего он был направлен Агитпропом ЦК на отзыв более чем 40 экономистам.

Учитывая мнение рецензентов, ЦК ВКП(б) в 1947 г. решил привлечь к участию в написании учебника большую группу не только экономистов, но и философов, историков. В нее вошли: Г. П. Косяченко, К. В. Островитянов, М. Б. Митин, И. Д. Лаптев, И. И. Минц, А. Д.

² ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 5380, л. 4—5.

³ Там же, л. 7.

Удальцов, С. Д. Сказкин и др. Результатом труда расширенного авторского коллектива явились два варианта макета, напечатанные в 1948 г. Оба они были переданы Сталину, после чего в работе над книгой наступила более чем годовая пауза: состарившийся вождь был уже не в состоянии трудиться с прежней интенсивностью; детально изучить представленные материалы ему удалось лишь после торжественно отмеченного своего семидесятилетия.

В феврале 1950 г. состоялась встреча Сталина с учеными, в ходе которой были определены перспективы завершения работы над книгой. Была создана комиссия в составе Г. М. Маленкова, Л. А. Леонтьева, К. В. Островитянова и П. Ф. Юдина, которой поручалось в месячный срок объединить в один текст материалы двух подготовленных макетов. Через некоторое время в комиссию были включены также Д. Т. Шепилов, И. Д. Лаптев, А. И. Пашков⁴.

Итоги проделанной работы обсуждались на совещаниях у Сталина 24 апреля и 30 мая 1950 г. Выразив неудовлетворение качеством текста, он поставил задачу в течение года завершить написание учебника. Работа над ним была окончена в апреле 1951 г., после чего было принято решение об обсуждении книги научно-педагогической общественностью страны.

Ознакомившись с содержанием макета, около 250 ученых приняли участие в ноябре—декабре 1951 г. в экономической дискуссии в ЦК ВКП(б). По ее итогам были подготовлены предложения о путях улучшения проекта учебника.

Материалы дискуссии были представлены Сталину. Подробно изучив их, он пишет «Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года», с которыми были ознакомлены участники состоявшегося в ЦК обсуждения. Отклики, поступившие на замечания, послужили поводом для написания Сталиным еще трех материалов: «Ответ т-шу Ноткину, Александру Ильичу» (апрель 1952 г.), «Об ошибках т. Ярошенко Л. Д.» (май 1952 г.), «Ответ т-щам Саниной А. В. и Венжеру В. Г.» (сентябрь 1952 г.). В своей совокупности они и составили сталинский труд «Эконо-

⁴ См.: ЦГА ИМЛ, ф. 17, оп. 133, д. 41, л. 162—163.

мические проблемы социализма в СССР», который был опубликован в первых числах октября 1952 г. в журнале «Большевик» и газете «Правда».

В работе Сталина затрагивались многие вопросы социалистического строительства. Остановимся лишь на тех из них, которые имели концептуальный характер.

Исходным началом в сталинской трактовке проблем общественного развития явилось выяснение перспектив социализма и капитализма на планете. Сталин, и не без основания, считал, что ход и исход второй мировой войны резко повысили авторитет Советского Союза, а следовательно, и социалистической идеи в глазах мировой общечеловечности. Ярким свидетельством этого, по его мнению, стал переход к строительству социализма в странах народной демократии. Одновременно Сталин считал ошибочной позицию тех ученых и политиков, которые полагали, что в силу развития новых международных условий войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными. По его мнению, борьба буржуазных государств за рынки и желание утопить своих конкурентов продолжали быть сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма, из чего следовало, что «неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе». Полагая, что развернувшееся движение за мир способно обеспечить лишь временную отсрочку новой войны, Сталин делал вывод. «Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм».

Причем эта задача ставилась не абстрактно, а вполне конкретно, как текущая программа действий ВКП(б), всего мирового коммунистического движения. Примечательна в связи с этим сталинская мысль, касающаяся социального предназначения будущего учебного пособия: «Я думаю, что товарищи не учитывают всего значения марксистского учебника политической экономии. Учебник нужен не только для нашей советской молодежи. Он особенно нужен для коммунистов всех стран и для людей сочувствующих коммунистам. Наши зарубежные товарищи хотят знать, каким образом мы вырвались из капиталистической неволи, каким образом преобразовали мы экономику страны в духе социализма, как мы добились дружбы с крестьянством, как мы добились того, что наша недавно еще нищая и слабая страна превратилась в страну богатую, могущественную...» Они хотят знать все это и многое другое не для простого любопытства, отмечал Сталин, а для того, чтобы учиться у нас и использовать наш опыт для своих стран. Поэтому появление хорошего марксистского учебника политической экономии имеет не только внутрисоветское, но и большое международное значение. «Нужен, следовательно, — заключал Сталин — учебник, который мог бы служить настольной книгой революционной молодежи не только внутри страны, но и за рубежом».

Целевая установка на непримиримую борьбу с силами империализма диктовала, естественно, свои особые законы и внутреннего развития Страны Советов. Она требовала прежде всего дальнейшего наращивания индустриального потенциала страны. Это являлось основным гарантом ее экономической и оборонной мощи, так

необходимой для укрепления мировых сил социализма, поддержки освободительных движений.

Отмеченный момент прежде всего учитывался Сталиным при определении перспектив социалистического строительства в СССР после войны. Это со всей наглядностью проявилось уже в его предвыборной речи 9 февраля 1946 г. «Что касается планов на более длительный период, — указывал он, — то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем. Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей».

Идея приоритетного развития тяжелой индустрии обосновывалась Сталиным и в «Экономических проблемах социализма в СССР». Имея в виду позицию тех участников экономической дискуссии, которые ратовали за более активное использование закона стоимости при социализме, он писал: «Очевидно, что, идя по стопам этих товарищей, нам пришлось бы отказаться от примата производства средств производства в пользу производства средств потребления. А что значит отказаться от примата производства средств производства? Это значит уничтожить возможность непрерывного роста нашего народного хозяйства...»

Подлинное негодование вызвало у Сталина высказанное экономистом Л. Д. Ярошенко сомнение в правомерности перенесения схемы воспроизводства Маркса, разработанной для капиталистического хозяйства, на социалистическое общественное производство. Считая этот вопрос дискуссионным, Л. Д. Ярошенко размышлял: «Существуют ли экономические законы, которые обуславливают определенное деление фонда накопления на фонд, предназначенный для развития I подразделения, и фонд, предназначенный для развития II подразделения? Какие это законы и какие величины и соотношения этих фондов они обуславливают? Политическая экономия социализма должна дать теоретическое обоснование соотношений в развитии между I и II подразделениями в условиях социализма, или обоснованно сказать, что этих законов не существует». Не допуская даже мысли о возможности такой постановки вопроса, Сталин вынес вердикт: «Если бы т. Ярошенко понимал что-либо в этом деле, то он понял бы и ту очевидную истину, что марксовы схемы воспроизводства отнюдь не исчерпываются отражением специфики капиталистического производства, что они содержат вместе с тем целый ряд основных положений воспроизводства, имеющих силу для всех общественных формаций, в том числе и особенно для социалистической общественной формации»

Руководствуясь тезисом о том, что «закон стоимости не имеет регулирующего значения в нашем социалистическом производстве»

Сталин подверг критике и тех экономистов, прежде всего А. В. Санину и В. Г. Венжера, которые отстаивали перспективность использования в условиях социалистического строительства товарно-денежных отношений.

На фоне последовательного стремления уйти от осмысления проблемы учета интересов советских трудящихся при организации процесса функционирования народного хозяйства в качестве инородного тела воспринималось содержавшееся в работе Сталина определение основного экономического закона социализма как «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники».

Концептуальный каркас последнего сталинского труда оказал решающее воздействие на характер работы XIX съезда ВКП(б), содержание его основных положений и выводов. Думается, своеобразным камертоном призванным определять тональность восприятия материалов этого съезда, следует считать короткую речь Сталина на его заключительном заседании. Тот факт что речь была обращена исключительно к иностранным гостям, а также ее содержание не оставляют сомнения на трибуне съезда стоял человек, считавший себя великим вождем всех трудящихся мира и искренне веривший в реальность близкого торжества идей социализма в странах капитала. Не колебался он и в том, что Советский Союз не должен быть сторонним наблюдателем всемирно-исторических преобразований. Выразив иностранным представителям признательность за поддержку Сталин заявил: «Понятно, что наша партия не может оставаться в долгу у братских партий и она сама должна в свою очередь оказывать им поддержку, а также их народам в их борьбе за освобождение...» Отметив, что всеми своими делами после 1917 г наша партия по праву заслужила звание «Ударной бригады» мирового революционного и рабочего движения, он заключил «Конечно, очень трудно было выполнять эту почетную роль, пока «Ударная бригада» была одна-единственная и пока приходилось ей выпотнать эту передовую роль почти в одиночестве Но это было Теперь — совсем другое дело Теперь когда от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии появились новые «Ударные бригады» в лице народно-демократических стран, — теперь нашей партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее»

В соответствии с таким пониманием внешнеполитиче

ского аспекта деятельности партии расставлялись и ее внутривнутриполитические акценты. В Отчетном докладе XIX съезду о работе Центрального Комитета ВКП(б), с которым выступил Маленков, было выделено девять основных задач партии в области внутренней политики. Первые шесть из них нацеливали коммунистов на активное участие в укреплении экономической мощи Советского государства, подъеме промышленности, транспорта и сельского хозяйства, осуществлении строжайшего режима экономии, развитии науки и ускорении технического прогресса, повышении творческой активности трудящихся. И лишь седьмой пункт касался задачи дальнейшего улучшения материального благосостояния советского народа, условий его жизни и труда. Как свидетельствовали факты, такая шкала социальных приоритетов явно противоречила тем настроениям, интересам, которые были характерны для различных слоев советского общества в послевоенные годы. Не вполне соответствовал истине и вывод, содержащийся в Отчетном докладе: «Наш народ полон решимости и впредь самоотверженно трудиться на благо социалистического отечества, с честью выполнить историческую задачу строительства коммунистического общества». В жизни все было намного сложнее.

ПРИЗНАКИ КРИЗИСА СИСТЕМЫ

Понимая объективный характер трудностей, оставленных войной, советские люди совершали массовый подвиг, в рекордные сроки возрождали города и села. Вместе с тем они все чаще отказывались понимать целесообразность тех методов администрирования, командования, которые были присущи авторитарно-бюрократической системе руководства. Их законное возмущение вызывали многие прогрессирующие негативные явления советской действительности. Факты критического отношения к жизненным реалиям стали проявляться сразу после войны.

В конце 1945 — начале 1946 гг. постоянное недовольство системой трудовых мобилизаций, делавших рабочих, по существу, бесправными, высказывали труженики Московского автомобильного завода. Плотник Куликов, например, говорил: «Чувствую себя, как закрепощенный. Война кончилась, красноармейцев домой отпус-

тили, а нас держат почему-то. Дети дома, у меня их шестеро, с голоду умирают, а я зарабатываю 400 рублей в месяц и не могу семье оказать помощь». Лейтмотив настроений этой категории рабочих был однозначен: «Мы ждем раскрепощения»⁵.

В информации, направленной на имя секретаря ЦК ВКП(б) Жданова в сентябре 1946 г. о политических настроениях среди трудящихся столицы, отмечался крайне резкий тон вопросов, задававшихся партийным работникам. Вот один из них: «Как жить дальше? Жертвы и жертвы. Поймите, если сейчас на семью в три человека требуется 600—700 рублей, чтобы выбрать продукты, то ведь это еще не все. Мыло правительство не дает, жиров нет, выдают заменители, керосина нет, все обносились до крайности. Заработка едва хватает на паек, а где брать деньги на квартиру, одежду, мыло? Человек может так прожить шесть месяцев, год. Но больше быть голодным, разутым и раздетым он не сможет»⁶.

Особенно тяжело жилось в деревне. Многие ее жители стремились покинуть колхозы, уклонялись от работы в них ввиду крайне несовершенной системы материального стимулирования. В июне 1948 г. Верховный Совет СССР вынужден был издать указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Это позволило на время укрепить трудовую дисциплину, но не надолго. Уже в 1950—1951 гг. партийные и советские органы ощутили резкое падение трудовой активности колхозного крестьянства. В 1950 г., к примеру, в Московской области не выработал обязательного минимума трудодней без уважительных причин 9961 человек. В Ногинском районе, в частности, из 12 286 трудоспособных колхозников постоянное участие в колхозных работах принимало всего 4942 человека, или 40%. Из этого числа выработали менее обязательного минимума трудодней 1394 колхозника, или 33%. Не выработало ни одного трудодня 135 человек⁷. Аналогичная ситуация наблюдалась во многих регионах страны.

⁵ Партийный архив Научного и информационного центра политической истории Москвы (далее МПА) ф. 3, оп. 67, д. 58, л. 3.

⁶ МПА, ф. 3, оп. 63, д. 15, л. 76.

⁷ См. МПА, ф. 3, оп. 137, д. 99, л. 1.

В послевоенные годы дело не ограничивалось лишь констатацией несовершенства целого ряда форм организации процесса социалистического строительства. Предпринимались попытки разобраться в их природе. Касаясь причин низких темпов сельскохозяйственного производства, дефицита в продуктах питания, аспирант исторического факультета МГУ Кульков, например, писал. «Нам никогда не добиться хорошей жизни, вечно у нас будут трудности, ибо у колхозников нет заинтересованности в работе, так как они знают, что их плоды труда пожирают чиновники, сидящие в советском аппарате»⁸

Трудящиеся резонно замечали — не завышена ли степень совершенства советского общественного строя. «Мы имеем лучшее в мире метро, лучшие автомобили, но почему у нас нет гвоздей, железа, бумаги. Почему до сих пор не ликвидировано отставание этих отраслей промышленности? Если в СССР построен социализм, почему же в стране ощущается недостаток товаров снабжения?» Растущий протест вызывали зримые издержки курса на использование преимущественно административных мер разрешения противоречий общественной жизни. «В 1921 году был нэп, — рассуждали люди, — почему нельзя этого сделать теперь, если трудности так велики?»

Естественно, такого рода мысли не могли быть изложены на страницах официальных изданий. Идеи, выражавшие критический пласт общественного сознания высказывались, как правило, в неофициальной обстановке или анонимно. Широкие возможности для их выявления и обобщения создавали, в частности, выборы в органы Советской власти. Надписи на бюллетенях, записки, опускаемые в урны, несли на себе заметный след не только восторженного, но и скептического отношения различных слоев народа к результатам социалистического строительства в СССР, к тем, кто находился у руля партии и государства.

При этом следует отметить, что трудящиеся не только критиковали действительность, но и выдвигали нетрадиционные, новаторские предложения, как совершенствовать процесс строительства новой жизни. В 1947 г. в ЦК ВКП(б) на имя Маленкова поступила рукопись «Послевоенная отечественная экономика», написанная

⁸ МПА, ф. 3, оп. 63, д. 15, л. 85

беспартийным бухгалтером ОРСа завода № 40 г. Мытищи (Московская область) С. Д. Александером. Автор обосновывал необходимость широкого использования в народном хозяйстве экономических методов, учета материальных интересов трудящихся. Аналогичные мысли содержались и в письме, направленном в ЦК партии инженером из Татарской АССР членом ВКП(б) Э. Г. Ридом⁹.

Подобного рода предложения, бесспорно, были проявлением творческого подхода к осмыслению реалий жизни советского общества. Однако, предусматривая активное применение товарно-денежных отношений, экономических стимулов, они противоречили официально-догматическим взглядам на теоретические основы политики социалистического строительства, что обуславливало как данную им в ЦК ВКП(б) оценку — «вредные взгляды», так и перспективу употребления — «в архив».

Наличие внутренних противоречий в послевоенном развитии советского общества подтверждали и многие факты, характеризовавшие процесс функционирования Коммунистической партии в авторитарно-бюрократической системе руководства всеми сферами жизни. Особенности ее деятельности определялись прежде всего двойственным характером партийной работы. С одной стороны, ВКП(б), прежде всего в лице своего аппарата, являлась элементом (и весьма существенным!) административной системы. С другой стороны, партия была аккумулятором и выразителем интересов масс. Противоречие, заключенное в этой двойственности, стало источником многих явлений, имевших место в послевоенной истории страны. Их доминанту составляло стремление местных партийных организаций закрепить ту относительную самостоятельность, которую они обрели в годы Великой Отечественной войны. Стремление, вызывавшее решительный отпор со стороны высшего эшелона партийно-государственной власти во главе со Сталиным, которое видело в инициативных шагах местных работников попытку подорвать основы административно-централистской системы управления жизнью общества, социалистическим строительством в СССР. Именно в этом состояла подоплека хорошо известных событий, связан-

⁹ См.: Вопросы истории КПСС. — 1990. — № 7. — С. 116.

ных с «ленинградским делом». Именно это противоречие накладывало существенный отпечаток в конце 40-х—начале 50-х гг. на деятельность партийных организаций, в частности Московской.

Стремление представителей высших структур власти вернуть партийную организацию столицы на ее «законное» место, определяемое сутью бюрократической системы, стало проявляться сразу после войны.

Так, М. И. Малахов, работавший в 1941—1948 гг. секретарем Московского комитета партии, впоследствии вспоминал

«В период Великой Отечественной войны Московская партийная организация провела колоссальнейшую работу. Эвакуация из столицы центральных хозяйственных органов управления привела к тому, что решение всех экономических вопросов взяли на себя партийные органы, и прежде всего МК ВКП(б).

Но следует откровенно сказать, успехи московских коммунистов военной поры воспринимались не без зависти определенной частью руководящих работников, находившихся сверху. Таких я прямо скажу, как Мехлис, Шкирятов, Берия, даже Маленков. Не давала им покоя мысль, что москвичи так героически, по своей инициативе без каких-либо подсказок и директив со стороны вышестоящих органов справлялись с теми огромнейшими трудностями, которые при несла с собой война.

Предвзятое отношение, замешанное на зависти к Московской партийной организации, МК ВКП(б), ощущали тогда многие, в том числе и я, как секретарь Московского комитета, занимавшийся с начала 1945 г. вопросами работы с кадрами. А кадры — это значит к тебе сходятся практически все нити жизни партийной организации.

И вот вызывает меня как-то Матвей Федорович Шкирятов, он тогда был заместителем председателя Комиссии партийного контроля, и говорит: «На вас, на Московскую партийную организацию у нас очень много материалов компрометирующих».

Я спрашиваю: «О чем конкретно идет речь?»

Шкирятов отвечает, что прежде всего имеется в виду вопрос об израсходованном Московским комитетом золоте, которое в годы войны было выделено для организации подпольных групп.

Действительно, я как секретарь подпольного Московского обкома ВКП(б) знал, что в 1941 г. по решению ЦК нам выделили около 5 кг золота в виде драгоценных вещей. Но использовать его не пришлось и сразу после Московской битвы мы все эти драгоценности изъяли.

Учитывая очень тяжелое материальное положение московских партийных работников, в котором они находились во время войны в 1942 г. Центральный Комитет ВКП(б) разрешил нам использовать это золото для лечебных целей. В связи с этим эпизодом пришлось писать личное объяснение Шкирятову — как будто удовлетворило.

Только с этим утряслось — на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) проходившем под председательством Маленкова, на основе совершенно искаженных фактов принимается решение о наказании секретаря Сталиногорского горкома партии Васильева.

Затем как-то звонит мне Мехлис, нарком госконтроля СССР. Это было уже в 1946 г. Требуется, чтобы к нему явились секретари

Подольского и Раменского райкомов партии для выяснения интересующих его вопросов Я ему напомнил решение ЦК ВКП(б) о том что без санкции партийной организации никто не имеет права вызывать к себе руководящих партийных работников. Мехлис настаивал — я противился Наконец он не выдержал, заявив «Как ты смеешь перечить мне? Я выполняю задание товарища Сталина»

Я заметил, что если это инициатива Сталина, то пусть он лично даст указание такое, мы его будем считать решением ЦК. Одним словом я с Мехлисом не согласился насчет вызова наших партийных работников

Проходит некоторое время, и в «Правде» появляется постановление Совета Министров СССР «О фактах нарушения Устава сельскохозяйственной артели в Куйбышевской и Ярославской областях и о наказании лиц, виновных в этих нарушениях» Были сняты с должности и отданы под суд около 10 секретарей райкомов партии, председателей райисполкомов, директоров МТС, многие работники получили партийные взыскания. Здесь мне сразу стало ясно, куда метил Мехлис в это постановление было намерение включить и москвичей, о чем, кстати, он и признался лично в ходе одной из наших последующих встреч.

Иными словами, к концу 1946 г стало сильно ощущаться явно предвзятое отношение со стороны центра к Московской партийной организации Ситуация осложнялась еще и тем, что Г. М. Попов, будучи руководителем московских коммунистов, одновременно являлся и секретарем ЦК партии, что накладывало свой отпечаток на его отношение ко всем этим делам входить в конфликт всякий раз с работниками Центрального Комитета ему было неудобно. Но в то же время стало очевидно что узел наших взаимоотношений когда то надо рубить.

Я решил проявить на свой страх и риск инициативу в этом вопросе Позвонил А. А. Андрееву который был членом Политбюро, председателем Комиссии партийного контроля ЦК, и попросил принять меня Рассказал о своих наблюдениях, сделав вывод, что против Москвы что-то затевается В заключение разговора попросил помочь встретиться с И. В. Сталиным Андрей Андреевич подумал и отвечает «Я не обещаю, но Сталину все расскажу» И свое слово он сдержал.

Через несколько дней мне звонит Поскребышев «С Вами будет говорить товарищ Сталин» Из разговора я понял, что Андреев все Сталину рассказал. Но для верности я ему еще раз коротко произвел свои основные мысли, сделав главный упор на том, что москвичи своими делами не заслужили тех бесконечных придирок, которым они подвергаются в последнее время. Я прямо сказал складывается впечатление, что набирается компрометирующий материал, создается какое-то «московское дело» Сталин задавал много уточняющих вопросов — в общей сложности телефонный разговор длился около получаса В заключение он сказал «Хорошо, спокойно работайте Мы это дело специально обсудим»

И действительно после этого разговора все как будто успокоилось. Хотя чувствовалось, что в душе у целого ряда довольно влиятельных лиц неприязненное отношение к руководителям Московской партийной организации осталось»

Правильность такого вывода подтвердили события последующих трех лет, венцом которых стало постанов-

ление Политбюро ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе тов. Попова Г. М.». В нем руководитель Московской партийной организации был обвинен в зажиме критики чрезмерном увлечении хозяйственными делами в ущерб вопросам партийно-политической и внутрипартийной работы, в проведении особой линии по отношению к союзным министерствам и министрам. Сразу отметим все эти моменты имели место в действительности. Но первые из них служили поводом для постановки вопроса о Г. М. Попове, последний — раскрывал причину его рассмотрения именно на Политбюро ЦК ВКП(б). Конеч партийной карьеры находившегося в расцвете сил 43-летнего Г. М. Попова был в конечном счете предопределен тем, что своими действиями он объективно способствовал утверждению противоестественного административной системе творческого, самостоятельного начала в решении злободневных проблем.

Руководители Московской партийной организации и прежде всего Попов, интуитивно чувствовали, что сложившаяся в стране административная система управления экономикой, с ее мелочной опекой и регламентацией, закрепощала советскую индустрию, не позволяла реализовать тот огромный потенциал, которым она обладала.

По этому поводу Попов в докладе на пленуме МК и МГК ВКП(б), состоявшемся в мае 1947 г., говорил «Я утверждаю, поскольку уже не новичок в этом деле и знаю московскую промышленность неплохо, что у нас резервы такие, что если поднажать, то мы можем значительно перевыполнить план 1947 года. Но реализовать эту возможность крайне сложно, так как у руководителей предприятий, находящихся в плену плановых заданий, нет желания включать в оборот имеющиеся резервы». Поэтому, продолжал Попов «наша святая обязанность, как коммунистов, вскрывать резервы. Разве мы можем все предусмотреть планом? План дает основное направление, но жизнь сложнее плана. И если в процессе работы выявляются резервы, почему же нам молчать, перед кем молчать? Перед родным правительством? Это бывает тогда, когда очень заскорузлые люди сидят в некоторых хозяйственных организациях и они свою ведомственную колокольню ставят выше, чем нашу государственную, партийную вышку»¹⁰.

¹⁰ МПА, ф. 3, оп. 37, д. 3, л. 75

Бесспорно, всю глубину сложной проблемы организации производства, функционирующего на основе административных методов управления, Попов постичь не мог. Он видел лишь внешние формы ее проявления, а потому и средства решения реально существовавшей проблемы выбирал из того арсенала, который был порожден самой же административной системой. Путь к раскрепощению глубинных сил индустрии он видел в повышении сознательности коммунистов-руководителей, в мобилизации энтузиазма масс через социалистическое соревнование, в усилении административного воздействия партийных органов на производство.

Система управления производством, базировавшаяся на главенстве централизма, объективно не была predisposed к восприятию многочисленных инициатив, исходящих снизу. Но и в тех возможных пределах линия на вовлечение руководителей различных уровней в работу по выявлению новых резервов стала одним из ведущих направлений в деятельности Московской партийной организации. Пример того, как это делалось, привел на IX Московской областной и VIII городской партийной конференции секретарь Тушинского ГК ВКП(б) Медведев. Он говорил «В конце мая 1948 г., будучи на троллейбусном заводе, тов. Г. М. Попов обратил наше внимание на то, что завод работает не на полной мощности, имеет колоссальные резервы. Детально разобрав вместе с нами все вопросы, тов. Попов поставил перед нами задачу. подготовить проект и войти с ходатайством в правительство об увеличении выпуска троллейбусов к концу 1948 г. вдвое. Это указание тов. Попова нами было обсуждено на городском партийном активе. Разработаны были практические мероприятия. В результате усилий коллективов двух заводов, которые кооперируются, в октябре 1948 г. мы удвоили выпуск троллейбусов. Это достигнуто только за счет мобилизации внутренних ресурсов, более рационального использования материалов, оборудования и повышения производительности труда»¹¹.

Вместе с тем следует сказать, что уже вскоре после войны Г. М. Попов убедился в ограниченных возможностях традиционной формы участия партийных комитетов в хозяйственной работе. Суть ее состояла в том, что, видя необходимость решения очередной производствен-

¹¹ МПА, ф. 3, оп. 117, д. 156, л. 277.

ной проблемы, МК ВКП(б) обращался в ЦК партии, Совет Министров СССР с запиской по тому или иному вопросу, к которой прилагался проект соответствующего постановления правительства. Например, в ноябре 1947 г. МК направил на имя Сталина письмо следующего содержания:

«Сов[ершенно] секретно

Товарищу Сталину И. В.

О неудовлетворительном состоянии производства жаропрочных сталей

Постановлением правительства завод «Электросталь» Министерства черной металлургии определен как главный поставщик жаропрочных сталей для реактивных двигателей Министерства авиационной промышленности и нужд первого Главного управления.

Завод «Электросталь» систематически не выполняет план по производству жаропрочных сталей... вследствие неудовлетворительного обеспечения завода металлическим хромом, ферросплавами и двуокисью титана.

Кроме того, завод «Электросталь» имеет недостаточные мощности — электропечей, парогидравлических прессов, молотов и обдирочного оборудования для увеличения выпуска жаропрочных сталей.

Развитие двигателей реактивного типа поставило перед металлургами ряд новых и весьма сложных задач, от которых в очень сильной степени зависит как мощность, так и надежность двигателей.

Дальнейшее отставание производства жаропрочных сталей явится тормозом в выпуске новых реактивных двигателей на заводе № 45 и № 50 Министерства авиационной промышленности.

Московский комитет партии вносит предложение создать правительственную комиссию в следующем составе: Вознесенский Н. А. (председатель), Сабуров М. З., Тевосян И. Т., Ломако П. Ф., Хруничев М. В., Первухин М. Г., Жимерин Д. Г., Черноусов Б. Н., Ванников Б. Л. и Корешков М. Е., которой поручить разработать и внести в Совет Министров СССР мероприятия по развороту производства жаропрочных сталей.

Г. Попов»¹²

¹² МПА, ф. 3, оп. 67, д. 2, л. 151.

Безусловно, далеко не все вопросы, которыми приходилось заниматься МК и МГК ВКП(б), были аналогичны по своей значимости приведенному мною. Но процедура решения вопросов была идентичной. Не считая себя вправе тревожить высшее партийно-правительственное руководство просьбами по каждому из них, Попов все чаще стал подключать к выполнению производственных заданий, связанных прежде всего с потребностями Москвы и Подмосковья, союзные министерства, а также московские предприятия, минуя Совет Министров и Госплан СССР. В общей сложности за период 1945—1949 гг. МК и МГК ВКП(б) приняли 443 постановления или решения о размещении заказов на промышленных предприятиях. Причем 188 из них — в соответствии с постановлениями Совета Министров СССР, а 255 — в обход правительства. В ходе претворения их в жизнь руководители МК и МГК ВКП(б), и прежде всего сам Попов, добивались от министров, директоров заводов беспрекословного подчинения своим указаниям, угрожая им в противном случае партийными взысканиями. Дело доходило до запрета обращаться в правительство с вопросами без их предварительного согласования в МК ВКП(б) ¹³.

Такой подход вступал в явное противоречие с сутью сталинских административно-казарменных методов, поскольку означал со стороны московских руководителей покушение на незыблемое право центра держать в своих руках все нити управления народным хозяйством. Представители высшего руководящего эшелона не могли допустить этого. Нужен был лишь повод, чтобы указать лидеру московских коммунистов, его ближайшим помощникам, их истинное место в системе партийно-государственной власти. Следует заметить, что это было не таким уж трудным делом, так как предлогов для критической оценки своей деятельности Попов в конце 40-х гг. давал более чем достаточно. На собраниях партийного актива, пленумах МК и МГК ВКП(б) Попов постоянно прерывал выступающих с критическими выступлениями в адрес московских организаций многословными репликами, высмеивал их. Так, на IX областной и VIII городской объединенной Московской конференции ВКП(б) в феврале 1949 г. большую часть своего заключительного

¹³ См.: МПА, ф. 4, оп. 60, д. 174, л. 12.

слова он посвятил «проработке» министра строительства предприятий тяжелой индустрии П. А. Юдина, высказавшего замечания в адрес Моссовета. Возглавляя Моссовет, Попов лично решал принципиальные вопросы его деятельности. За все послевоенные годы бюро МГК ВКП(б) практически не обсуждало основные направления работы Московского городского Совета депутатов трудящихся. Аппарат Московского комитета ВКП(б) был отстранен от анализа итогов работы управлений и отделов Моссовета.

Эти и многочисленные другие факты содержались в анонимном письме, поступившем осенью 1949 г. в ЦК ВКП(б). Для их проверки была образована специальная комиссия. Началу ее работы предшествовала шумевшая история с электрокомбайном. А дело было в следующем. В первых числах июня 1949 г. заведующего отделом машиностроения МГК ВКП(б) Зеликсона его заместитель Кириченко проинформировал о том, что у него на приеме были работники КБ, сконструировавшие электрокомбайн. Руководство горкома приняло решение поддержать инициативу, поручив решение всего комплекса связанных с этим вопросов секретарю МГК ВКП(б) Н. П. Фирюбину. По указанию последнего 11 июня был издан совместный приказ Министерства сельхозмашиностроения и Министерства сельского хозяйства СССР о производстве электрокомбайна. Оперативно был разработан план привлечения к решению этой задачи многочисленных промышленных предприятий Москвы. Он лег в основу принятого 28 июня постановления секретариата горкома «Об изготовлении опытного самоходного комбайна с электроприводом». Руководство МГК ВКП(б) проявило большую активность в деле его реализации, намереваясь создать электрокомбайн к 70-летию Сталина. Проводилась вся работа, естественно, без согласования с Советом Министров СССР, его председателем. Однако информация о ней попала на страницы газет. Разобравшись с этим вопросом, Совет Министров СССР 4 октября 1949 г. принял постановление «О нарушении государственной дисциплины и шумихе в печати об испытаниях электрокомбайна», в котором признал ошибочность решения о создании электрокомбайна. Постановлением правительства (?) Фирюбин был снят с поста секретаря МГК ВКП(б).

Указанное постановление сыграло роль лакмусовой

бумажки для тех, кто организовывал проверку фактов, изложенных в анонимном письме. Им стало ясно, что эту работу следует вести с пристрастием, без оглядки на авторитет Попова.

В ноябре 1949 г. в руках Берия и Маленкова оказались все официальные материалы, собранные комиссией. Пользуясь отсутствием Сталина, находившегося на отдыхе, они предложили вынести вопрос о недостатках в работе МК и МГК партии на Политбюро.

Прекрасно понимая направленность их замысла, Попов, как утверждают очевидцы, был вынужден обратиться к Сталину с просьбой, чтобы отчет Московской партийной организации на Политбюро рассматривался в его присутствии. Просьба была удовлетворена, и, думается, это сыграло далеко не последнюю роль в том, что московские коммунисты не разделили на рубеже 40—50-х гг. трагическую участь ленинградцев. Важное значение в этом деле имела и позиция, занятая Хрущевым.

Вернувшись в Москву и ознакомившись с подготовленными комиссией материалами, Сталин вызвал из Киева Хрущева. «Сталин, — вспоминал Никита Сергеевич, — встретил меня очень хорошо. «Ну, — говорит, — что же долго вы будете еще сидеть на Украине? Вы там уже превратились в украинского агронома. Пора вам вернуться опять в Москву».

Тут он начал мне говорить, что «мы тут считаем, что вам надо опять занять пост первого секретаря Московского городского и областного партийного комитета. У нас плохо дело в Москве и очень плохо дело в Ленинграде. Там мы провели аресты заговорщиков. Оказались заговорщики и в Москве. Мы хотим, чтобы Москва стала опорой Центрального Комитета, поэтому вам полезно здесь работать. Вы будете секретарем МК и ЦК»...

Когда Сталин со мной разговаривал, он в подтверждение неблагополучия в Москве тут же вручил мне документ.

«Вот, — говорит, — заявление. Ознакомьтесь, а тогда поговорим».

Я взял его и не стал тут же читать — это был большой документ. Я его положил в карман. На завтра я прочел этот документ... В этом документе говорилось, что в Москве существует группа заговорщиков против ЦК, против правительства и что группу эту возглавляет Попов — секретарь Московского комитета и секре-

тарь ЦК. И там указывается, кто входит в эту группу: секретари райкомов, часть председателей райисполкомов, директора заводов, инженеры. Я сразу почувствовал, что это или сумасшедший, или же какой-то мерзавец пишет с умыслом. Я положил эту записку к себе в сейф и решил не говорить о ней какое-то время, я считал, что необходимо время, и чем больше пройдет времени с момента вручения, тем будет лучше».

Дальнейшие события разворачивались так. В первых числах декабря 1949 г. состоялось заседание Политбюро ЦК. Его участники подвергли резкой критике стиль работы Г. М. Попова, признав наличие в нем целого ряда недостатков. Было указано, что Попов не обеспечивает развертывание критики и самокритики в Московской партийной организации. Сделав вывод, что Московский комитет партии, прежде всего по инициативе Попова, пытается подмять министров, подменить Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б), Политбюро заключило, что тем самым бюро Московского городского и областного комитетов партии проявляет антигосударственные тенденции. Систематически давая в обход правительства прямые указания предприятиям и министерствам о дополнительных производственных заданиях, оно разрушает партийную и государственную дисциплину¹⁴.

В постановлении Политбюро указывалось, что МК и МГК, занимаясь в основном хозяйственными делами, не уделяют должного внимания вопросам партийно-политической и внутрипартийной работы. Выступая на заседании, Сталин подчеркнул, что этот недостаток обусловлен стилем руководства Попова, которому присущи административно-хозяйственный уклон, недостаточное понимание души партийной работы. Понять душу партийной работы, говорил он, — это значит поднять активность партийных масс, развернуть критику и самокритику недостатков.

Вместе с тем Политбюро сочло не подтвердившимися и клеветническими выдвинутые анонимными авторами письма обвинения Попова в политической неустойчивости, в разгоне проверенных кадров МК и Моссовета, в насаждении на ответственные участки работы в партийной организации своих людей. В связи с этим, а также учитывая, что Попов признал свои недостатки, Полит-

¹⁴ См.. МПА, ф. 4, оп. 60, д. 174, л. 4—6.

бюро ЦК ограничилось решением об освобождении его от занимаемых постов и направлении на другую работу

Обращает на себя внимание специальный пункт, содержащийся в постановлении ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе тов. Попова Г. М.» Он устанавливал, что как секретари райкомов ВКП(б) по Московской и Ленинградской областной и городской организациям, так и председатели райисполкомов Москвы, Ленинграда, Московской и Ленинградской областей утверждаются в ЦК партии по представлению соответственно бюро Московского и Ленинградского обкомов партии¹⁵ Этот пункт не оставляет сомнений в том, что «московское дело», хотя и несостоявшееся, представляло собой не локальное событие внутрипартийной жизни, а одно из проявлений более общего процесса, протекавшего в партии и государстве.

13—16 декабря 1949 г. прошел объединенный пленум МК и МГК ВКП(б). Обсудив сообщение Маленкова о постановлении ЦК КПСС «О недостатках в работе тов. Попова Г. М.», пленум освободил Попова от обязанностей первого секретаря и члена бюро обкома и горкома партии. В его постановлении резкой критике за допущенные ошибки, упущения в работе были подвергнуты секретари, члены бюро МК и МГК ВКП(б) Пленум избрал первым секретарем Московского областного комитета партии Хрущева.

«Московское дело» завершилось относительно благополучно. Его финал свелся лишь к чистке руководящих кадров Московской партийной организации. На состоявшемся 26 января 1950 г. пленуме от занимаемых постов были освобождены секретари МК ВКП(б) С. А. Жолнин, О. В. Козлова, А. Я. Секачев, Н. Ф. Соловьев. Днем раньше пленум МГК ВКП(б) принял решение об освобождении от обязанностей второго секретаря горкома И. А. Парфенова¹⁶.

Не смог избежать конфликтных ситуаций с представителями высшей партийно-государственной власти страны и преемник Попова на посту первого секретаря Московского комитета ВКП(б) Хрущев, несмотря на то что являлся членом Политбюро ЦК. И здесь политический водораздел прошел между стремлением руководи-

¹⁵ См. МПА, ф. 3, оп. 124, д. 1, л. 3—4.

¹⁶ Там же, л. 6—7.

теля московских коммунистов строить политику на основе учета интересов трудящихся и приверженностью членов Политбюро ЦК ВКП(б), работников аппарата Центрального Комитета партии к сохранению в неизменности основных принципов «сталинской модели социализма».

В мае 1950 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле». Работу по его реализации Хрущев задумал максимально связать с решением многочисленных социальных проблем, накопившихся в Подмосковье.

В 1950 г. процесс концентрации сельскохозяйственного производства развивался очень бурно: вместо ранее существовавших 6069 мелких артелей было образовано 1541 укрупненное хозяйство. Первые итоги этой работы подвел состоявшийся 20—22 декабря 1950 г. пленум МК ВКП(б). В материалах пленума был сформулирован новаторский вывод о том, что сельское строительство и благоустройство в укрупненных колхозах имеют исключительно важное значение для совершенствования процесса колхозного строительства. Руководствуясь этим положением, обком партии обязал исполком Мособлсовета, ГК и РК ВКП(б) оказать укрупненным колхозам помощь в правильном выборе места размещения центральных поселков и бригадных станов, возведении жилых, производственных и культурно-бытовых построек, организации водоснабжения, благоустройстве нового колхозного села. В целях решения этих задач было признано необходимым организовать производство местного строительного материала, а также создать во всех колхозах специальные строительные бригады.

Пути реализации определенной пленумом МК программы социального переустройства подмосковного села обсуждались на созванном обкомом партии 18 января 1951 г. специальном совещании. На нем с большой речью выступил Хрущев. Основные положения этой речи легли затем в основу его статьи «О строительстве и благоустройстве в колхозах», опубликованной в газетах «Правда», «Московская правда» и «Социалистическое земледелие» 4 марта.

«Строительство в колхозах, — говорилось в статье, — имеет огромное политическое и хозяйственное значение. Создание новых поселков и хозяйственных центров ар-

те ей позволит еще больше поднять сельскохозяйственное производство приблизит быт колхозников к условиям городской жизни. Вместо небольших деревень возникнут крупные благоустроенные колхозные поселки со школами, клубами, банями, домами сельскохозяйственной культуры, детскими яслями и другими культурно-бытовыми учреждениями. Все это отвечает желанию широких масс колхозников и колхозниц. Ведь речь идет об улучшении культурных и бытовых условий их жизни».

В новом колхозном поселке, считал Хрущев, следует со временем соорудить водопровод, электросети с уличным освещением, тротуары. Предлагалось в поселке ограничиться небольшими приусадебными участками по 10—15 соток, а остальную часть земельной площади, полагающейся колхознику по Уставу сельхозартели отводить за его пределами. «Это — подчеркивалось в статье, — позволит механизировать некоторые виды работ (пахоту, культивацию, боронование) и тем самым будет способствовать облегчению труда колхозников, повышению урожайности».

Предложения Хрущева в принципе были, безусловно, прогрессивны, объективно они выражали интересы крестьян. Однако их практическое претворение в жизнь было связано с немалыми сложностями. Прежде всего широкие слои крестьянства не были психологически подготовлены к сселению мелких деревень в крупные колхозные поселки. Негативное восприятие ими этой инициативы усугублялось крайне сжатыми сроками намечавшихся работ, стремлением партийных органов форсировать их проведение.

Не меньшее значение имели и огромные затраты, связанные с реализацией планов переселения. По ориентировочным подсчетам в Московской области предстояло перенести 93 тыс. старых и построить 10 тыс. новых домов колхозников. Кроме того, предполагалось строительство 1 тыс. административных зданий, 2300 клубов, домов культуры и библиотек, 2300 детсадов и яслей, 3350 производственно-хозяйственных и бытовых построек. Денежные затраты должны были составить на жилищное строительство — 268 млн руб., культурно-бытовое строительство — 72 млн руб., строительство производственно-хозяйственных и животноводческих объектов — 70 млн руб.⁷ Нетрудно заметить, что явный

¹⁷ См.: МПА, ф. 3, оп. 137 д. 4, л. 84.

приоритет социальных программ проявлялся и в структуре финансовых вложений. ...

Инициатива Московского обкома ВКП(б), его руководителя вызвала резко отрицательную реакцию со стороны Сталина. Уже на следующий день после публикации статьи Хрущева на первой полосе «Правды» была помещена информация о том, что материал напечатан в дискуссионном порядке. Создается специальная комиссия во главе с Маленковым, которой поручается подготовить вопрос для рассмотрения в Политбюро ЦК. 10 марта Д. Т. Шепилов и И. Д. Лаптев представили Маленкову записку «О некоторых задачах колхозного строительства в связи с проводимыми мероприятиями по укрупнению мелких колхозов»¹⁸. Ее положения легли в основу постановления Политбюро, которым признавалось ошибочным и дезориентирующим колхозные кадры выступление Хрущева со статьей «О строительстве и благоустройстве в колхозах».

ЦК ВКП(б) указал, что главная ошибка, вытекающая из позиции Хрущева, состоит «в своего рода потребительском подходе» к вопросам строительства коммунизма, в забвении положения о том, что в развитии любого общественного строя главную и определяющую роль играет производство. В вину ему было поставлено ненаучное представление о путях ликвидации противоположности между городом и деревней. Хрущев обвинялся также в нарушении принципа сочетания общественных и личных интересов в колхозах при подчинении личных интересов колхозников общественным.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б), проходившем под председательством Маленкова, Хрущев полностью признал ошибочность своей статьи. В местные партийные органы было направлено закрытое письмо ЦК «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов». Вытекающие из него задачи обсудил состоявшийся 23 апреля 1951 г. пленум Московского обкома. Пленум признал, что ЦК правильно и своевременно поправил партийные организации и помог предотвратить серьезные ошибки в вопросах колхозного строительства. «Если бы ошибочные установки о сселении мелких деревень, — подчеркивалось в его постановлении, — получили широкое практическое осуществле-

¹⁸ См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 133, д. 41, л. 99—115.

ние, то это неизбежно привело бы к замедлению темпов расширенного воспроизводства, к отвлечению сил и средств колхозов и советского государства от решения основных задач подъема сельского хозяйства». Были отменены как неправильные пункты постановления декабрьского (1950 г.) пленума Московского обкома ВКП(б), определявшие перспективы работ по благоустройству колхозных сел и сселению мелких деревень в крупные колхозные поселки¹⁹.

Оценивая политические инициативы Хрущева 1950—1951 гг., мы поступим правильно, если попытаемся разделить принципиальную постановку вопроса об усилении внимания к социальным проблемам колхозного села и конкретную форму, в которой этот принцип предлагалось реализовать. Совершенно очевидно, что, предлагая в ходе укрупнения колхозов строить новые благоустроенные села и переселять в них колхозников из мелких неблагоустроенных деревень, Хрущев явно не учитывал фактор исторического времени, проявлял присущую ему склонность к «революционным скачкам». Но принципиальная постановка вопроса о необходимости повернуться лицом к переустройству быта, условий жизни тружеников села была, думается, плодотворной.

Однако в этой части представления и идеи Хрущева входили в явное противоречие с господствовавшим на рубеже 40—50-х гг. сталинским видением перспектив социалистического строительства в СССР. Именно поэтому объектом критического разбора со стороны Политбюро ЦК стали не столько практические меры, намеченные Московским обкомом партии по социальному переустройству колхозной деревни, сколько теоретические основы тех политических инициатив, с которыми выступил Хрущев. Они явно расходились со сталинскими постулатами о социализме.

Не вписывались в рамки представлений руководителей партии и государства также некоторые формы развития творческой активности рабочего класса, получившие широкое распространение в Москве, других регионах страны в начале 50-х гг. Анализируя опыт применения партийными организациями такой испытанной формы мобилизации трудящихся, как социалистическое соревнование, на решение производственных задач, Мос-

¹⁹ См.: МПА, ф. 3, оп. 138, д. 12, л. 4, 6.

ковский обком партии в послевоенные годы неоднократно отмечал существенные изъяны в его организации. Несмотря на предпринимавшиеся усилия, положение к лучшему менялось крайне медленно. В этой связи пленум МК ВКП(б) в мае 1952 г. констатировал. «На ряде предприятий все еще имеют место элементы канцелярско-бюрократических методов руководства соревнованием, зачастую отсутствует глубокая воспитательная работа с каждым участником соревнования. Принятие социалистических обязательств и подведение итогов соревнования проводятся с запозданием без обсуждения на рабочих собраниях. В результате этого принимаемые обязательства по соревнованию часто не отражают поставленных перед предприятием, цехом, участком производственных задач, требований в области повышения качества продукции, экономии сырья и материалов, иногда берутся заниженные обязательства, не соответствующие достигнутому уровню производительности труда и выполнения норм выработки, слабо обобщается и распространяется опыт передовиков»²⁰.

Руководители многих партийных организаций заводов, предприятий, осмысливая причины недостатков, видели их в игнорировании материальных интересов трудящихся при выборе стимулов развития производственной активности. В ходе поиска новых форм организации трудовой деятельности в коллективах широкое распространение получила практика передачи на социалистическую сохранность бригадам, отдельным лицам основных средств производства. Она способствовала воспитанию у работника чувства хозяина производства, заинтересованности в достижении высоких конечных результатов. Казалось бы, это направление работы должно было получить поддержку со стороны партийно-государственного руководства страны. Однако произошло обратное: движение, подхваченное рабочими, входило в явное противоречие с законами функционирования командной системы управления народным хозяйством и потому было отвергнуто.

В апреле 1952 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об устранении недостатков в практике проведения социалистического соревнования». Квалифицировав инициативу масс как надуманную затею, ЦК указал, что

²⁰ МПА, ф. 3, оп. 146, д. 17, л. 9.

она снимает с хозяйственных руководителей установленную законом ответственность за вверенное им государственное имущество. Партийным, профсоюзным, советским, хозяйственным и комсомольским органам было предложено покончить с этим новшеством.

Состоявшиеся 21 мая бюро МГК, а 29—30 мая 1952 г. пленум МК ВКП(б) осудили имевшие место в Московской области факты передачи принадлежавших государству средств производства трудящимся на социалистическую сохранность. Погасив в зародыше стремление первичных партийных организаций шире использовать экономические методы хозяйствования, партийные органы вновь подтвердили незыблемость курса на использование в качестве основного средства повышения производительности труда мер административного и идеологического воздействия. «Обязать партийные организации, — было записано в постановлении пленума МК ВКП(б), — обеспечить строжайшее проведение в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 года «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». Пленум подчеркнул, что правильное руководство социалистическим соревнованием неразрывно связано с усилением массово-политической работы на предприятиях²¹.

Сталинское видение путей решения производственных проблем оставалось незыблемым. Вместе с тем очевидно, что огромный объем информации, стекавшей в Центральный Комитет ВКП(б) и отражавшей существо реальных процессов, развивавшихся в глубинных пластах жизни советского общества, оставлял заметный след в сознании тех, кто окружал Сталина в последние годы его жизни. Свидетельством тому стали события, последовавшие после его смерти.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ

Анализ событий начала 50-х гг., казалось бы, дает повод заключить, что к концу жизни Сталину наконец удалось осуществить заветную мечту: оставить рядом с

²¹ См.: МПА, ф. 4, оп. 79, д. 31, л. 113—114; ф. 3, оп. 146, д. 17, л. 9, 11, 15.

собой только единомышленников. Как в публичных выступлениях, так и реальных делах и Маленков, и Молотов, и Берия, и Ворошилов, и Хрущев, и Булганин, и Микоян, другие члены его окружения неизменно представляли в роли приверженцев жестких административных подходов к решению внутренних задач, негибких, твердокаменных политиков в отношении к миру капитала. Казалось, что ни у кого из них нет никаких своих собственных представлений о путях строительства новой жизни; что в лучшем случае они способны лишь продолжить то, что было заложено Сталиным в 30—40-е гг. Однако диалектика реальных жизненных процессов оказалась намного сложнее.

Условия авторитарно-бюрократической системы управления побуждали подавляющее большинство людей (в том числе и в верхнем эшелоне партийно-государственной власти) одинаково говорить и действовать. Но они не могли заставить всех их и однотипно думать. Наглядно это проявилось уже на четвертый после смерти Сталина день в действиях Маленкова. На трибуне Мавзолея 9 марта 1953 г. на похоронах того, перед кем он трепетал многие годы, вновь назначенный Председатель Совета Министров СССР предстал в совершенно нетрадиционном политическом облике.

Речь Маленкова на траурном митинге была сдержанной. Она, естественно, содержала значительное количество привычных оценок роли Сталина в жизни партии и народа. Но при внимательном изучении речи нельзя не заметить ряда присущих ей весьма существенных моментов.

Маленков в отличие от Берия не утверждал, что «после смерти Ленина Сталин почти тридцать лет вел нашу партию и страну по ленинскому пути». Не клялся он, как Молотов, и в том, что советские коммунисты всегда будут «помнить то, чему до последних дней учил нас Сталин», станут «верными и достойными учениками и последователями Сталина». И это вряд ли было случайностью. Ибо в своем выступлении новый лидер сформулировал ряд положений, кардинально отличавшихся от тех, которые казались незыблемыми при Сталине.

В траурной речи Маленкова не было даже намек на технократизм внутренней политики, составлявшей лейтмотив работы и решений XIX партийного съезда. «В области внутренней политики, — сказал Маленков, — на-

ша главная задача состоит в том, чтобы неуклонно добиваться дальнейшего улучшения материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, всех советских людей. Законом для нашей партии и правительства является обязанность неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей».

Качественно новый момент (правда, с явно тактической ссылкой на авторитет Сталина) содержался и в разделе речи, посвященном внешнеполитическим проблемам. В ряду традиционных условий борьбы за сохранение мира, углубление сотрудничества со всеми странами была выражена новаторская мысль о характере взаимодействия сложившихся в мире двух противоположных общественных систем. В сфере международных отношений, отметил Маленков, Советский Союз будет проводить «политику, исходящую из ленинско-сталинского положения о возможности длительного сосуществования и мирного соревнования двух различных систем — капиталистической и социалистической»²².

Совершенно очевидно, что оба эти фундаментальные положения, составлявшие смысл внутренней и внешней политики, были диалектически взаимосвязаны между собой и создавали основу для утверждения принципиально новой концепции развития на рельсах социализма. Идея отхода от политики конфронтации с миром капитализма, поворота лицом к потребностям широких масс трудящихся СССР диктовала необходимость коренных перемен во всех сферах жизни советского общества, в механизме взаимодействия нашего государства с другими странами. Начались они с восстановления норм демократии.

Как хорошо известно, решающая роль в осуществлении мероприятий 1953—1955 гг., создавших предпосылки для решений XX съезда КПСС о культе личности, принадлежала Хрущеву. Однако мы вряд ли ошибемся в утверждении, что его активность в этом вопросе во многом была предопределена позицией Маленкова, за которым, как председателем на заседаниях Президиума ЦК КПСС в первые месяцы после смерти Сталина, оставалось последнее слово по всем важнейшим проблемам, обсуждавшимся в высшем пар-

²² Правда. — 1953. — 10 марта.

тийно-правительственном штабе. А свое принципиальное отношение к культу личности Сталина его преемник высказал незамедлительно.

На следующий после похорон Сталина день, 10 марта 1953 г., на третьей странице «Правды» была помещена фотография. На ней были изображены Сталин, Мао Дзэдун и Маленков во время подписания советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи 14 февраля 1950 г. Это была явная фальшивка — вместе они так, как было на снимке, никогда не фотографировались. Фотомонтаж имел однозначную направленность: возвеличивание нового лидера (Маленков пребывал в величественной позе, тогда как и Сталин, и Мао Дзэдун изображались на фотографии в позе внемлющих).

В тот же день на заседание Президиума ЦК КПСС, проходившее под председательством Маленкова, были вызваны ведавшие вопросами идеологии секретари ЦК КПСС П. Н. Поспелов и М. А. Суслов, а также главный редактор «Правды» Д. Т. Шепилов.

Как вспоминал Поспелов, на заседании Маленков подверг резкой критике редакцию, подчеркнув, что природа многих ненормальностей, имевших место в истории советского общества, крылась в культе личности. В связи с задачами углубления процесса социалистического строительства в СССР Маленков отметил: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности»²³.

Приводя этот факт, я далек от мысли представлять Маленкова главным действующим лицом в развенчании культа личности в середине 50-х гг. Приоритет здесь, бесспорно, принадлежал Хрущеву. Однако требование принципа историзма обязывает указать, что на начальной стадии этого процесса отношение Хрущева к проблеме культа личности Сталина было далеко не идентично характеру его действий в 1955—1956 гг., а тем более в конце 50-х — начале 60-х гг.

Напомним, что именно Хрущев внес предложение поместить саркофаг с телом Сталина в Мавзолей Ленина в целях создания большей возможности для прощания с ним. Он же высказал идею соорудить пантеон на Ленинских горах, куда предполагалось перенести сталин-

²³ ЦПА ИМЛ, ф. 629, оп. 1, д. 54, л. 69.

ский прах и останки видных деятелей, похороненных у Кремлевской стены.

13 марта 1953 г. Хрущев дает поручение Поспелову взять под личное наблюдение подготовку кинокартины, посвященной памяти Сталина. Состояние преклонения перед Сталиным не исчезло у него ни в первые дни, ни в первые месяцы после похорон. «Даже когда мы многое узнали после суда над Берия, — вспоминал Хрущев, — мы давали партии и народу неправильные объяснения и все свернули на Берия. Нам он казался удобной фигурой. Мы делали все, чтобы выгородить Сталина, не сознавая того, что выгораживаем преступника»²⁴.

Маленков высек первую искру критики культа личности, совершенно, видимо, не предполагая, каких масштабов разгорится из нее пламя уже в ближайшие годы и чем для него лично обернется его жар.

Уже спустя месяц после смерти Сталина происходит реабилитация врачей-«отравителей», процесс над которыми готовился на исходе его жизни. В Грузии возвращается на политическую арену ряд работников, ранее осужденных по так называемому мингрельскому делу.

Важной вехой на пути углубления процесса демократизации стало пресечение преступной деятельности Берия и его подручных. Важнейший политический вывод, сделанный ЦК КПСС из дела Берия, состоял в том, чтобы неуклонно усиливать партийное влияние во всех звеньях государственной жизни на принципах, выработанных Лениным. В материалах июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС впервые было официально сказано о вреде и недопустимости культа личности, в условиях которого только и могло произойти появление на политической арене, на высоких партийных и государственных постах Берия. В передовой статье журнала «Коммунист», посвященной итогам Пленума, говорилось: «Скатывание к культу личности ведет к принижению роли партии и ее руководящего центра, к снижению творческой активности партийных и широких масс трудящихся».

В опубликованном сразу после июльского Пленума документе Отдела пропаганды и агитации ЦК и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Пятьдесят

²⁴ Хрущев вспоминает // Аргументы и факты. — 1989. — № 14. — С. 7.

лет Коммунистической партии Советского Союза. 1903—1953» была поставлена задача искоренить из практики пропагандистской работы партии неправильное, немарксистское освещение вопроса о роли личности в истории выражавшееся в пропаганде чуждой духу марксизма-ленинизма идеалистической теории культа личности. В дальнейшем благодаря неустойчивой энергии и настойчивости Хрущева процесс демократических преобразований стал протекать еще более активно, вылившись в целую систему мероприятий по преодолению культа личности Сталина.

Однако, отдавая должное проделанному, не следует переоценивать значимость осуществленных в середине 50-х гг шагов. Процесс демократизации даже после XX съезда КПСС носил ограниченный характер. Помыслы ни Хрущева, ни тем более Маленкова, не были устремлены к научному пониманию проблемы. Усилия направлялись на искоренение наиболее уродливых проявлений культа личности. Они не затрагивали глубинные пласты общественной жизни, не имели целью развить во всем объеме социальное творчество народа, сделать его подлинным хозяином страны.

Ограниченность политики социалистического строительства тех лет проявилась и в том, что вопросы демократизации не рассматривались в едином комплексе с народнохозяйственными преобразованиями. Хотя риску предположить, что, если бы новаторские инициативы в области экономики, выдвинутые Маленковым в 1953 г и поддержанные тогда же Президиумом ЦК КПСС, смогли пустить глубокие корни, логика социально-экономического и политического развития страны должна была привести партию к пониманию сути того противоречия, которое образовывалось этим разрывом.

Необходимость перемен в экономической жизни прямо вытекала из направленности нового внутривластного курса, сформулированного Маленковым сместить акцент народнохозяйственного развития в сторону удовлетворения непосредственных материальных и культурных потребностей народа.

Основные пути решения этой задачи были определены Маленковым в речи на пятой сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. В ней содержался анализ тенденций развития советской экономики за годы Советской власти. Условия социалистического строительства

в СССР, подчеркивалось в речи, диктовали в 30—40-е гг. необходимость первоочередного развития тяжелой индустрии. Сюда на протяжении длительного периода времени направлялись главным образом капитальные вложения. За годы пятилеток (1929—1952) в капитальное строительство и производственное оборудование было вложено государственных средств: в тяжелую промышленность — 638 млрд. руб., в транспорт — 193 млрд. руб., в легкую промышленность — 72 млрд. руб. и в сельское хозяйство — 94 млрд. руб. Результатом такой структурной политики, отмечалось в речи Маленкова, явилось изменение соотношения между тяжелой и легкой промышленностью в общем объеме промышленного производства. Если в середине 20-х гг. доля средств производства в продукции всей промышленности СССР составляла 34%, то в 1937 г. она увеличилась до 58%, а в 1953 г. возросла почти до 70%.

В результате за время после XIV съезда партии, провозгласившего курс на индустриализацию, выпуск промышленной продукции возрос в 29 раз. Однако в структуре индустриального производства выявились крупные диспропорции. За этот период производство средств производства выросло примерно в 55 раз, производство же предметов народного потребления — примерно лишь в 12 раз. Сравнение уровней производства 1953 г. и довоенного 1940 г. показывало, что и за это время производство средств производства возросло в 3 с лишним раза, а производство предметов потребления — на 72%. «Достигнутый объем производства предметов потребления, — заключил Маленков, — нас не может удовлетворить». Он внес предложение: не снижая внимания к всемерному развитию тяжелой индустрии, «в интересах обеспечения более быстрого повышения материального и культурного уровня жизни народа всемерно форсировать развитие легкой промышленности».

Депутаты Верховного Совета СССР были проинформированы о том, что Центральный Комитет КПСС и Советское правительство считают необходимым значительно увеличить вложения средств на нужды развития легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства. Бурными аплодисментами они приветствовали ту часть речи Маленкова, где говорилось: «Неотложная задача состоит в том, чтобы в течение двух-трех лет резко повысить обеспеченность населения продовольственными и

промышленными товарами — мясом и мясными продуктами, рыбой и рыбными продуктами, маслом, сахаром, кондитерскими изделиями, тканями, одеждой, обувью, посудой, мебелью и другими предметами культурно-бытового и домашнего обихода, значительно поднять обеспеченность населения всеми товарами народного потребления».

Сегодня трудно говорить о мотивах, которыми руководствовался Маленков, выступая с вышеизложенной политической инициативой. Но совершенно очевидно, что усиление социальной направленности экономической политики объективно вело к созданию предпосылок для возврата к ленинскому пониманию социализма как общественного строя, целью которого является создание для человека труда наиболее благоприятных условий жизни.

Однако ценность новой политической установки не ограничивалась лишь социальным аспектом. Ее реализация открывала широкие возможности для возврата к ленинским методам хозяйствования, основанным на максимальном учете экономических интересов трудящихся.

При тех пропорциях промышленного производства, которые сложились в 30-е гг., говорить о развитии народного хозяйства страны с помощью экономических методов было невозможно. И потому положения речи Маленкова на августовской сессии Верховного Совета СССР 1953 г. взрывали теоретический барьер, всего несколько месяцев назад, при жизни Сталина, казавшийся непреодолимым. Характер выдвинутых задач, путей их решения свидетельствовал о том, что это выступление Маленкова не было политическим экспромтом. Вниманию депутатов высшего органа Советской власти предлагалась, судя по всему, продуманная, логически завершенная система мер по оздоровлению экономики. Была ли она результатом раздумий самого Маленкова или его помощников, сегодня пока трудно сказать. Но налицо неопровержимый факт: новый глава Советского правительства сознательно обнародовал экономическую программу и начал претворять ее основные положения в жизнь.

Обеспечить крутой подъем производства предметов народного потребления, напомнил Маленков, невозможно без дальнейшего подъема сельского хозяйства, снабжающего население продовольствием, а легкую промыш-

ленность — сырьем. В начале 50-х гг. аграрный сектор экономики выступал в роли того главного звена, ухватившись за которое только и можно было вытащить всю цепь народнохозяйственного развития. «Наша важнейшая обязанность состоит в том, — говорилось с трибуны сессии, — чтобы в кратчайший срок покончить с запущенностью сельского хозяйства в отстающих районах и колхозах, обеспечить быстрое развитие и укрепление общественного хозяйства колхозов и на этой основе значительно увеличить выдачу на трудодни колхозникам денег, хлеба и других продуктов».

К решению сельскохозяйственной проблемы предлагалось подойти комплексно. Ликвидация нетерпимого отставания в развитии животноводства мыслилась на путях создания прочной кормовой базы, обеспечения поголовья скота и птицы помещениями, резкого повышения продуктивности. Ставилась задача существенно увеличить производство картофеля и овощей.

В качестве важнейшей выделялась зерновая проблема. Как бы каюсь за тот грех, который он допустил на XIX съезде партии в оценке зернового хозяйства, Маленков подчеркнул: «В целях усиления борьбы с потерями урожая и увеличения фактических сборов зерна и других сельскохозяйственных культур необходимо покончить с такой неправильной практикой, когда результаты работы колхозов в деле производства зерна и другой продукции оцениваются не по фактическому сбору, а только по видовой урожайности». И далее: «Нельзя забывать, что наша страна, наши колхозы могут быть богаты урожаем, собранным в амбары, а не урожаем на корню». Это заявление было встречено аплодисментами.

Комплексностью отличалась и система мер, определявшая средства достижения поставленных задач. Главная роль в ней отводилась экономическим стимулам. Было решено, не увеличивая розничных цен в торговле и неуклонно осуществляя политику их дальнейшего снижения, повысить заготовительные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи, сдаваемые колхозами и колхозниками государству в порядке обязательных поставок; организовать в широких размерах государственные закупки излишков зерна, овощей, картофеля, мяса, молока, яиц и других продуктов сельского хозяйства по повышенным ценам у колхозов и колхозников, выпол-

нивших свои обязательства; широко развернуть колхозную торговлю.

Одновременно с повышением материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного хозяйства, говорилось в речи Маленкова, «правительство и Центральный Комитет партии решили также серьезно поправить и изменить неправильное отношение, сложившееся у нас к личному подсобному хозяйству колхозников». Этому должно было способствовать значительное снижение норм обязательных поставок с личных хозяйств, снижение денежного налога в среднем примерно в 2 раза с каждого колхозного двора, полное снятие недоимки по сельскохозяйственному налогу за прошлые годы.

Сессия Верховного Совета утвердила также предложения Совета Министров СССР о целесообразности предусмотреть в государственном бюджете ассигнования на механизацию и электрификацию сельского хозяйства, увеличение производства минеральных удобрений, усиление агрономической и зоотехнической помощи колхозам.

Помимо мер перспективного характера в области повышения материального и культурного уровня народа, планом на 1953 г. было предусмотрено увеличить по сравнению с предыдущим годом строительство школ — на 30%, детских садов и яслей — на 40%, больниц — на 54%.

В речи Маленкова на сессии был поставлен вопрос и об улучшении экономической работы промышленных предприятий на основе хозяйственного расчета. Однако в отличие от сельского хозяйства пути снижения себестоимости продукции на основе роста производительности труда предлагались традиционные: повышение ответственности и культуры деятельности всех звеньев государственного и хозяйственного управления, развитие энтузиазма трудящихся.

Анализ материалов сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся 5—8 августа 1953 г., убедительно свидетельствует, что преобразования в экономике страны, в том числе в сельском хозяйстве, начались не с решений сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, как это традиционно подчеркивалось в течение трех последних десятилетий в советской историографии. Установки Пленума были предопределены решениями сессии. Содержа-

ние доклада Хрущева на сентябрьском Пленуме представляло собой, по существу, детализацию основных положений речи Маленкова, произнесенной за месяц до этого на сессии. В этом проявилась одна из особенностей политического руководства в период господства административно-командной системы управления, когда направленность политики в решающей степени зависела от взглядов, позиций партийно-государственного лидера. В 1953 г. формально им был Маленков

В неразрывном единстве с проблемами внутреннего развития находились и вопросы внешнеполитической деятельности СССР. Уже в первые месяцы после заявления Маленковым о намерении проводить политику мирного сосуществования государств с различным общественным строем возглавляемое им правительство приняло важные шаги в деле борьбы за мир, ослабления международной напряженности, предотвращения новой мировой войны.

Был осуществлен комплекс мер по укреплению отношений Советского Союза с соседними государствами (Афганистаном, Ираном, Турцией, Финляндией). Правительство СССР выступило с инициативой обмена после длительного перерыва послами с Югославией и Грецией. Удалось заключить торговые соглашения с рядом капиталистических стран. Еще более упрочились отношения со странами народной демократии.

На повестку дня выдвигались и другие внешнеполитические инициативы, которые должны стать предметом углубленного осмысления. Например, в качестве конкретного шага в поиске путей взаимопонимания с государствами Запада Берия и Маленков предложили отменить принятое при Сталине решение о строительстве социализма в Германской Демократической Республике, предоставлении народу этой страны возможности сделать самостоятельно свой социальный выбор. Однако эта идея вызвала резкую критику со стороны Молотова, которого поддерживали все остальные члены Президиума ЦК КПСС. Аналогичная участь постигла и инициативу Берия, который как никто другой из руководителей знал истинные настроения крестьянства нашей страны и предлагал не навязывать странам народной демократии советский опыт колхозного строительства.

Активная, целеустремленная борьба СССР, всех прогрессивных сил за мир уже к осени 1953 г. дала опре-

деленные результаты. Появилась возможность сделать на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. вывод: «Налицо известный сдвиг в международной обстановке. После длительного периода нарастания напряженности, впервые за послевоенные годы стала ощущаться некоторая разрядка международной атмосферы».

Гарантом углубления этого процесса являлась экономическая, научно-техническая мощь Страны Советов, не позволявшая капиталистическим государствам, прежде всего США, сохранять монополию на более совершенные виды оружия. Касаясь этой проблемы, Маленков отмечал на сессии Верховного Совета: «Известно, что за границей сторонники войны длительное время тешили себя иллюзией насчет монополии Соединенных Штатов Америки в деле производства атомной бомбы. Жизнь, однако, показала, что здесь имело место глубокое заблуждение. Соединенные Штаты давно уже не являются монополистами в деле производства атомных бомб. За последнее время заокеанские противники мира нашли себе новое утешение. Соединенные Штаты, видите ли, владеют более мощным, чем атомная бомба, оружием, являются монополистами водородной бомбы. Это, видимо, было бы каким-то утешением для них, если бы соответствовало действительности. Но это не так. Правительство считает необходимым доложить Верховному Совету, что Соединенные Штаты не являются монополистами и в производстве водородной бомбы».

Обнародованная впервые весть о создании в СССР водородной бомбы вызвала под сводами Большого Кремлевского Дворца бурные, долго не смолкавшие аплодисменты. Однако гром оваций не затуманил сознание Маленкова. Эмоции не возобладали над его разумом.

В первой половине 50-х гг. Маленков оказался, видимо, единственным из руководителей Коммунистической партии и Советского государства, кто смог оценить всю глубину опасности, таящуюся в факте начавшегося наращивания потенциала атомного и водородного оружия. Было бы преступлением перед человечеством, считал он, если бы наметившаяся международная разрядка уступила место усилению напряженности. В обстановке тех перемен, которые приносила разворачивавшаяся научно-техническая революция в сферу развития

военной техники, это было чревато губительными последствиями.

Поэтому, выступая 12 марта 1954 г на собрании трудящихся Ленинградского избирательного округа г. Москвы, Маленков отмечал и предупреждал «Народы кровно заинтересованы в прочном укреплении мира Советское правительство стоит за дальнейшее ослабление международной напряженности, за прочный и длительный мир, решительно выступает против политики холодной войны, ибо эта политика есть политика подготовки новой мировой бойни, которая при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации».

Вывод о крахе цивилизации как единственно возможном исходе мировой войны в атомный век, безусловно, являлся новым словом марксистско ленинской теории. Он сразу же был по достоинству оценен многими коммунистическими и рабочими партиями мира. Однако в нашей стране подавляющее большинство руководителей КПСС середины 50-х гг. понять всю его глубину и не смогло, и не захотело. Верх взяли облегченные представления о характере мирового развития в эпоху существования смертоносного оружия. Представления, для преодоления которых понадобилось целых три десятилетия.

Примерно столько же занял и путь к возрождению реанимированной Маленковым в 1953 г., но затем, по сути дела, единодушно отвергнутой ЦК КПСС ленинской мысли о приоритете социального начала в экономической политике Советского государства. Застопорился в середине 50-х гг. и наметившийся процесс поиска путей использования в народном хозяйстве экономических методов хозяйствования.

Отход от прогрессивных тенденций во внутренней и внешней политике КПСС, основные контуры которой стали только вырисовываться в первые месяцы после смерти Сталина, был обусловлен многими факторами. И засильем догматизма в сознании тех, кто определял политику социалистического строительства в середине 50-х гг. И продолжающимся господством сталинских выводов и положений 30—40-х гг. в общественных науках. И отсутствием единой стройной политической концепции, которая отражала бы новые реалии процесса социального развития СССР. Но главное, на мой взгляд, за-

ключалось в том, что уже к весне 1954 г. политическому лидерству Маленкова фактически пришел конец. Следовательно, в соответствии с законами административной системы оказались обреченными и его политические инициативы. Ибо одна из особенностей административно-командной системы состоит в том, что содержание и направленность политики в обществе, где эта система господствует, всегда несет на себе неизгладимый след той борьбы, которая разворачивается между руководителями, находящимися на вершине политического Олимпа, — борьбы за право на последнее слово по всем вопросам жизни общества. После смерти Сталина она велась между Берия, Хрущевым, и в какой-то степени Маленковым.

БЕРИЯ — ХРУЩЕВ — МАЛЕНКОВ: БОРЬБА ЗА ЛИДЕРСТВО

В 4 часа дня 8 февраля 1955 г. председательствующий на заседании Верховного Совета СССР предоставил слово Хрущеву для предложения по кандидатуре на пост Председателя Совета Министров СССР. Хрущев походкой уверенного в себе человека направился к трибуне. Рядом, слева от кресла, которое он занимал в президиуме, с сосредоточенным лицом, поджав нижнюю губу, сидел Маленков: три часа назад он был официально освобожден от должности главы Советского правительства. Таков был финал длившейся ровно двадцать три месяца борьбы за политическое лидерство, борьбы, в ходе которой Хрущеву удалось вначале взять верх над Берия, а затем устранить со своего пути и Маленкова. Когда скончался тиран, такого исхода не мог предположить никто.

Но рассмотрим все последовательно, а для этого вернемся к начальному моменту развернувшихся событий.

6 марта 1953 г. гроб с телом Сталина устанавливается в Колонном зале Дома Союзов. К нему подходит последний сталинский фаворит — Маленков. Возле него становятся Берия, Ворошилов, Булганин, Каганович, Молотов. Сзади них выстраивается группа военных, рядом с которыми — Микоян и чуть в отдалении Хрущев, которому, как секретарю Московского комитета КПСС, поручено возглавить комиссию по организации похорон Сталина.

Фотография, на которой был запечатлен этот исторический факт, довольно полно отразила иерархию, возникшую в верхнем эшелоне власти в результате решений состоявшегося накануне совместного заседания Пленума Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР. Хотя, заметим, абсолютно точно характер отношений между преемниками Сталина фотография не передавала. А был он крайне сложным и окончательно выкристаллизовался еще при жизни Сталина, в дни его скоротечной тяжелой болезни.

Рядом с умирающим вождем постоянно дежурили по два члена Бюро Президиума ЦК КПСС. Пары эти распределились так: Берия — Маленков, Каганович — Ворошилов, Булганин — Хрущев.

Главным среди них негласно был первый тандем, в котором роль первой скрипки играл Берия. Ему Маленков был во многом обязан за поддержку во время событий 1946—1947 гг., связанных со сфабрикованным Абакумовым «делом авиационных работников».

Вот как описывал эти события в своих воспоминаниях (они хранятся в архиве) Г. М. Попов — бывший секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Московского комитета партии:

«В 1946 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), которое было посвящено вопросам авиации. В зале заседаний собрались члены Политбюро, секретари ЦК и несколько лиц приглашенных. Докладывал Сталин. Он сказал, что его сын — авиатор, который служит в Берлине, сообщил об аварии на самолетах, которые были в Германии.

Сталин считал, что нужно снять с поста министра авиапромышленности Шахурина. Одновременно он поставил вопрос о Маленкове, который как член Политбюро и секретарь ЦК партии несет ответственность за авиацию. Маленков стал давать объяснения, но его объяснения не были убедительными. Сталин сказал «Маленков несет ответственность за авиационную промышленность и, если он не обеспечил контроля за работой министерства, то он должен за это отвечать». И далее Сталин продолжил: «Я не ставлю вопроса о выводе Маленкова из состава Политбюро, но считаю нужным поставить вопрос о снятии его с поста секретаря ЦК ВКП(б)». Берия дал реплику «В Политбюро надо оста-

вить». Остальные молчали. Предложение Сталина было принято...».

Оставаясь в должности заместителя Председателя Совета Министров СССР, Маленков получил задание по организации заготовок хлеба в Алтайском и Красноярском краях, Кемеровской и Новосибирской областях. О ходе выполнения задания он регулярно информировал Сталина и Берия, который сыграл решающую роль в его возвращении в Москву. Именно с этого момента Маленков, как утверждал его помощник Суханов, попадает под полное влияние Берия. Нетрудно догадаться, по какому сценарию шло между ними обсуждение у постели умирающего Сталина интересовавшего всех вопроса: как жить дальше? А то, что оно происходило именно тогда, — бесспорно.

Свидетельствует Хрущев:

«...сейчас же, как только умер Сталин, Берия сел в машину и уехал в Москву. А были мы на ближней даче за городом. Мы решили немедленно вызвать всех членов Бюро или даже членов Президиума. Не помню сейчас. Пока они не приехали, Маленков расхаживал по комнате, видно, тоже волновался...

Я подошел к Маленкову и говорю:

— Егор, надо мне с тобой поговорить.

— О чем? — отвечает он так холодно.

— Вот Сталин умер. Есть о чем говорить. Как мы дальше будем?

— А что говорить? Вот съедутся все, и будем говорить. Для этого и собираемся.

Казалось, очень демократичный ответ. Но я-то по-другому понял. Я понял так, как было на самом деле, что уже давно все вопросы оговорены с Берия и все уже давно обсуждено».

Что же было предварительно обсуждено? Прежде всего — вопросы расстановки кадров в высшем эшелоне партийно-государственной власти, принципы организации ее функционирования. Судя по всему, замысел Берия состоял в том, чтобы, не занимая первых постов, создать такую систему власти, которая бы позволяла ему быть негласным лидером в руководящем партийно-государственном ядре. Средством утверждения в этой роли должны были стать политическая инициатива, природный темперамент самого Берия, помноженные на тот страх, который испытывали к нему (Берия) все «сорат-

ники» Сталина. В этих целях следовало сделать все возможное, чтобы не допустить концентрации значительных властных функций в руках одного человека.

Берия, считая своим основным потенциальным соперником в борьбе за власть Маленкова, предложил назначить его на занимавшийся Сталиным пост Председателя Совета Министров. Казалось бы, последний сталинский фаворит становился центральной фигурой в системе властных отношений. Однако это только казалось, так как одновременно с этим Берия внес предложение освободить Маленкова от обязанностей секретаря ЦК КПСС, лишив его возможности влиять на реальный аппарат власти, каковым являлись партийные органы. Во главе Секретариата ЦК партии Берия счел целесообразным поставить Хрущева, считая того недостаточно крупной политической фигурой и не видя в нем потенциального серьезного противника. При этом Хрущеву поручалось руководство лишь текущей работой Секретариата Центрального Комитета; роль председательствующего на заседаниях Президиума ЦК КПСС возлагалась на Маленкова. Себе Берия отводил на первый взгляд скромную должность — министра внутренних дел — первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Все эти предложения Берия не вызвали возражений со стороны Маленкова. С ними согласились все остальные соратники Сталина, и новая структура партийно-государственного руководства была утверждена 5 марта 1953 г. В начале заседания, где решались вопросы организации жизни советского общества без Сталина, его участники проголосовали за назначение Маленкова руководителем правительства. Затем они поддержали предложения об изменениях в руководстве Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР, ВСЦПС, и лишь в самом конце был решен вопрос о Президиуме Центрального Комитета КПСС, секретарях ЦК партии. Такой порядок рассмотрения вопросов, как и тот факт, что из числа членов нового состава Президиума ЦК КПСС ровно половина (Маленков, Берия, Молотов, Булганин, Каганович) входила в состав Президиума Совмина СССР и лишь один Хрущев представлял Секретариат ЦК КПСС, свидетельствовал: в замыслах тех, кто вершил политику, явно не входило усиление партийного начала в руководстве жизнью общества.

Впрочем, как и привлечение к этому руководству представителей нового поколения партийных и советских работников. Из тех, кого Сталин после XIX съезда партии выдвинул в расширенный состав Президиума ЦК КПСС, в новый руководящий орган Центрального Комитета, никто включен не был²⁵.

Резко обновился и Секретариат ЦК КПСС. На другую работу были переведены Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, Н. А. Михайлов, Н. М. Пегов, П. К. Пономаренко. Вместо них секретарями избираются работники, длительное время трудившиеся в аппарате ЦК: С. Д. Игнатьев, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин.

Воспользовавшись шоковым состоянием, охватившим руководящие органы партии и государства, Берия с помощью Маленкова довольно легко реализовал свой план, что позволило ему весной 1953 г. играть решающую роль в работе Президиума ЦК. С каждым днем, вспоминал Хрущев, он все больше набирал силы: «Берия уже чувствовал себя над членами Президиума, он важничал и даже внешне демонстрировал свое превосходство». Будучи уверенным, что дальнейшее усиление позиций Берия приведет к открытой узурпации им власти, Хрущев начинает осуществлять действия, направленные на устранение его с политической арены. Внешним поводом стал целый ряд инициатив Берия, направленность которых, по мнению подавляющего большинства членов Президиума ЦК КПСС, означала отход от основополагающих принципов марксизма-ленинизма.

Будущим исследователям еще предстоит на основе достоверных архивных материалов досконально разобраться в деталях этой страницы истории. Мы же лишь отметим: всеобщее недовольство бывших соратников Сталина действиями и поведением Берия было умело использовано Хрущевым, который уже давно вынашивал мысль об освобождении его от руководящих постов в партии и государстве. Заручившись еще в дни болезни Сталина поддержкой Булганина, Хрущев убеждает в конце концов Маленкова в необходимости начать активные действия против Берия. Вскоре к ним присоединяется Молотов, который внес существенные коррективы в первоначальный замысел. Касаясь содержания своего

²⁵ См.: Знамя. — 1988. — № 4. — С. 106.

разговора с Молотовым по этому вопросу, Хрущев вспоминал:

«Тогда Молотов говорит:

— Очень правильно, что вы поднимаете этот вопрос. Я полностью согласен и поддерживаю вас. Ну, а дальше, что вы хотите делать, к чему это должно привести?

Я говорю:

— Прежде всего нужно освободить его от обязанностей члена Президиума — заместителя Председателя Совета Министров и от поста министра внутренних дел. Молотов сказал, что этого недостаточно.

— Берия очень опасен, поэтому я считаю, что надо, так сказать, идти на более крайние меры».

Именно такие меры и были применены к Берия, после того как удалось убедить в их целесообразности остальных членов Президиума ЦК КПСС: Ворошилова, Кагановича, Сабурова, Первухина, Микояна.

Арест Берия и последовавшие вслед за ним решения июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС открывали, казалось, перед Маленковым возможность стать не только формальным, но и фактическим лидером партии и общества. Однако этого не произошло. Отчетливо понимая всю пагубность культа личности, Маленков сознательно отказывается от претензий на роль «вождя», подчеркивает бесперспективность возрождения системы вождизма. «Преемником великого Сталина, — подчеркивает он в заключительном слове на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС, — является сплоченный, монолитный коллектив руководителей партии».

Бесспорно, это был не единственный мотив, побудивший Маленкова выдвинуть идею коллективного руководства страной. Прекрасно зная уровень политической культуры «учеников» Сталина, он вполне обоснованно считал, что никто из них не в состоянии единолично руководить делами общества. «Если, — говорил Маленков на Пленуме, — при т. Сталине возможны были ошибки, то тем более чревато большими опасностями повторение их в отсутствие такого вождя, каким был т. Сталин».

Далеко не последнюю роль в этом деле играл и тот факт, что сам Маленков, судя по всему, сознавал личную неспособность быть лидером. И потому, что на его плечах лежал немалый груз преступлений культа личности, препятствовавший обретению доверия и поддержки партии, народа. И потому, что за три десятилетия

пребывания в партийном аппарате он ни одного дня не был на самостоятельной работе. А это существенно сказывалось как на психологии, так и на внешнем облике, манере поведения. В свете всего этого вполне объясним сформулированный им на июльском Пленуме вывод: «Никто один не смеет, не может, не должен и не хочет претендовать на роль преемника»²⁶. Так искренне думал Маленков. Однако, как показали последующие события, Хрущев думал иначе.

Ведущая роль, которую сыграл Хрущев в событиях, связанных с делом Берия, способствовала значительному росту его авторитета. Начиная с августа 1953 г. фамилия Хрущева воспроизводится третьей, после Маленкова и Молотова, в официальных списках руководящих деятелей. Одновременно устранение с политической арены Берия нанесло ощутимый удар по политическому престижу Маленкова, поскольку их личная дружба ни для кого не являлась секретом. Сплачивая членов Президиума ЦК КПСС на отпор проiscaм Берия, Хрущев вряд ли помышлял о верховенстве над представителями старой сталинской гвардии, тогда в нем действовал скорее инстинкт самосохранения. Теперь, когда Берия был не страшен, а положение Маленкова значительно ослаблено, ситуация стала совершенно иной. В сознании Хрущева явно зарождается мысль одолеть Маленкова, перехватить у него инициативу. Появляется цель, к которой он начинает сознательно стремиться: восхождение Хрущева в середине 50-х гг. на высшую ступень власти не являлось плодом стечения обстоятельств, связанных с его борением против инициатив Маленкова, будто бы тормозивших прогресс страны.

Все действия Хрущева середины 1953 — начала 1955 гг. определялись прежде всего стремлением одержать верх в личном соперничестве над Маленковым. Пытаясь разобраться в мотивах поведения Хрущева в те годы, мы обязаны рассмотреть все возможные гипотезы. Анализируя события 1953—1955 гг. сквозь призму тех шагов, которые Хрущев осуществлял в середине 50 — начале 60-х гг., можно предположить, что Маленков мог, во-первых, способствовать дальнейшему укреплению теории, политики, практики культа личности; во-вторых, препятствовать решению назревших народнохо-

²⁶ Коммунист — 1990. — № 14. — С. 88.

зяйственных проблем; в-третьих, консервировать традицию конфронтации между миром социализма и капитализма; наконец, в-четвертых, стремиться избавиться от самого Хрущева как потенциального соперника. Однако, как было показано выше, в реальности ни первого, ни второго, ни третьего не было. Факты свидетельствуют, что не было и четвертого обстоятельства — в 1953 г. Маленков видел в Хрущеве скорее соратника, чем соперника.

К моменту описываемых событий срок знакомства Хрущева и Маленкова исчислялся более чем двумя десятилетиями. Все это время отношения между ними в основном были ровные, а подчас и доверительные. Будучи вторым секретарем ЦК ВКП(б), Маленков в декабре 1949 г. представлял кандидатуру Хрущева на пост первого секретаря Московского комитета партии взамен снятого с этой должности Попова.

Бесспорно, с согласия Маленкова 5 марта 1953 г. было признано необходимым, чтобы Хрущев сосредоточился на работе в Центральном Комитете КПСС, в связи с чем он освобождался от обязанностей первого секретаря МК партии. Наконец, именно Маленков предложил избрать Хрущева Первым секретарем ЦК КПСС, что и было сделано на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК.

Избрание Хрущева на пост руководителя Центрального Комитета КПСС не повлияло вначале на характер его взаимоотношений с Маленковым. Как и прежде, Хрущев держался скромно, всеми своими действиями как бы подтверждая главенство Маленкова. Новые черты в их взаимоотношениях стали появляться в конце осени 1953 г. К этому времени в ходе следствия по делу Берия выявилась весьма неблагоприятная роль Маленкова в фабрикации ряда дел, в создании так называемой особой (политической) тюрьмы, не подчиненной МГБ. Разоблачение преступных связей Берия с бывшим министром госбезопасности Абакумовым привело к детальной и тщательной проверке так называемого ленинградского дела. В ходе ее становились известными факты, явно не усиливавшие авторитет главы правительства. Представляется, что именно период конца 1953 — начала 1954 гг. явился критической точкой в борьбе за лидерство между Хрущевым и Маленковым.

Целый ряд признаков позволяет заключить, что уже

через год после смерти Сталина инициатива оказалась у Хрущева. С февраля 1954 г. он прочно занимает центральное место в президиуме Большого Кремлевского Дворца на всех проводимых там мероприятиях. Место, «хозяином» которого до той поры был Маленков. Одновременно с этим рядом с Хрущевым занимает постоянное место первый заместитель Председателя Совета Министров, министр обороны СССР Булганин, вынудив перебраться во второй ряд ложи Ворошилова. Эти, казалось бы, незначительные детали всегда означали очень многое в понимании истории функционирования механизма руководства советским обществом.

О многом говорил и тот факт, что 26 апреля 1954 г. на очередной сессии Верховного Совета СССР не Маленков, а Хрущев завершал дискуссию по докладу министра финансов СССР А. Г. Зверева о Государственном бюджете страны. Все эти детали не были случайными.

К весне 1954 г. Хрущеву, судя по всему, удалось заручиться поддержкой не только Булганина, но и Молотова, Кагановича, Ворошилова, Микояна, которые, никогда не питая симпатий к Маленкову, были вынуждены, скрепя сердце, согласиться год назад с его возвышением во многом в силу страха перед настаивавшим на этом Берия. Теперь, когда страх прошел, каждый из них, обладая и большим опытом, и большими заслугами, чем Маленков, считал себя в душе обиженным. Этим, очевидно, объясняется та легкость, с которой Хрущеву удалось дать ход пересмотру «ленинградского дела», к которому был причастен прежде всего Маленков. 30 апреля 1954 г. Верховный Суд СССР реабилитировал Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, П. Г. Лазутина, И. М. Турко, Т. В. Закржевскую, Ф. Е. Михеева и других руководящих работников, проходивших по этому «делу». 3 мая политическую оценку ему дал Президиум ЦК КПСС. 6—7 мая 1954 г. Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев и Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко довели до сведения ленинградского партийного актива правду о «ленинградском деле». Все это способствовало повышению авторитета Хрущева в партии и обществе и ослабляло, естественно, влияние Маленкова.

Еще большему падению его престижа способствова-

ли ход и результаты следствия по делу бывших руководящих работников МГБ СССР во главе с бывшим министром Абакумовым. Участники фабрикации «ленинградского дела» прямо называли его основных организаторов — Берия и Маленкова. Отрицая предъявленные ему обвинения, Абакумов утверждал, что не несет за них ответственность, так как все аресты ленинградцев совершались по указанию сверху. Обвинительное заключение по этому делу, утверждал он, было также продиктовано «высшей инстанцией».

При этом, рассматривая ситуацию, складывавшуюся в верхнем эшелоне власти в конце 1953—1954 гг., следует иметь в виду одну крайне важную деталь. Информация, характеризовавшая причастность Маленкова к «ленинградскому делу», носила весьма специфический характер, она была известна сравнительно узкому кругу лиц. Ее имели в виду, но предпочитали о ней не распространяться, так как в противном случае она могла стать поводом для всеобъемлющего разговора об ответственности всех остальных соратников Сталина за утверждение системы культа личности, за те зловещие ее проявления, которые имели место в 30-х — начале 50-х гг. А ответ тогда пришлось бы держать и Молотову, и Кагановичу, и Ворошилову, и Микояну, и самому Хрущеву, хотя, видимо, в несколько меньшей степени. Подобная перспектива, понятно, никого из названных руководящих деятелей не устраивала.

Имелся и еще один существенный момент, ставивший Маленкова в крайне невыгодное положение. Необоснованные жертвы репрессий 30-х гг. в общественном сознании прочно ассоциировались с «врагами народа», «агентами фашизма», «отпетыми троцкистами и бухаринцами». Все это никак не подходило к тем, кто был осужден по «ленинградскому делу»: они являлись представителями совершенно иной популяции партийно-государственных работников.

Психологическая обстановка, умело созданная Хрущевым вокруг Маленкова, свинцовым панцирем сдавливала волю последнего. Его мысль, энергия все меньше направлялись в русло созидательной работы Президиума ЦК КПСС, Совета Министров СССР. Он жил другими проблемами: как найти выход из создавшейся ситуации, разорвать неумолимо сужавшийся круг политической изоляции. Следствием этого стала еще большая

замкнутость Маленкова, оторванность от людей. С каждым новым днем ему все труднее удавалось справляться с возложенными на него обязанностями. Многие вопросы государственной жизни, которые ставились перед ним министрами, не решались. Логическим венцом развития событий явился отказ соратников Маленкова уже к лету 1954 г. признавать за ним право быть первым среди равных. Подтверждением этого стало изменение содержания информации, публикуемых в печати. Если раньше фамилия Маленкова неизменно возглавляла список руководящих лиц, то начиная с июня 1954 г. их перечень воспроизводится в алфавитном порядке. Наступила новая стадия противоборства.

Ее отличительная черта состояла в том, что летом и осенью 1954 г. Хрущев смог заручиться в борьбе против Маленкова поддержкой широкого круга партийных работников с мест. Были созданы предпосылки для ликвидации двоевластия в Президиуме ЦК КПСС. Дело в том, что, несмотря на избрание в сентябре 1953 г. Первым секретарем ЦК КПСС, Хрущев имел возможность лишь подписывать партийные документы, заседания же Президиума ЦК по-прежнему вел Маленков. Именно ему подчинялся секретариат Президиума ЦК, который возглавлял Д. Н. Суханов, состоявший при Маленкове с 1936 г.

Во время отдыха Хрущева в августе—сентябре 1954 г. в Крыму собрались руководители крупнейших партийных организаций страны — Ф. Р. Козлов (Ленинград), Е. А. Фурцева (Москва), А. И. Кириченко (Украина). Присутствовали также Булганин и Микоян. В ходе их встречи был фактически предрешен вопрос об освобождении Маленкова с поста Председателя Совета Министров СССР. Осенью 1954 г. позиции Хрущева в руководстве государством были уже настолько прочными, что позволили ему без опасений за ход событий отправиться во главе советской делегации на празднование пятой годовщины со дня образования Китайской Народной Республики.

Обратную поездку в Москву из Пекина Хрущев использует для дальнейшего укрепления своих контактов с партийным, советским, хозяйственным активом страны. Вместе с Булганиным и Микояном он посещает Владивосток, Южно-Сахалинск, Хабаровск, Читу, Ир-

кутск, Свердловск, где встречается с первыми секретарями крайкомов, обкомов КПСС.

Маленков в ноябре 1954 г. присутствует на различных мероприятиях, принимает иностранные делегации, но фактически он уже не у дел: на заседаниях Президиума ЦК КПСС председательствует Хрущев, документы Совета Министров СССР оформляются за подписью Булганина. Остается выполнить формальности — оформить официально уход Маленкова с поста руководителя правительства. Решению этой довольно щекотливой задачи посвящается заключительная стадия перехода властных функций от правительства к руководству партии в лице Хрущева.

В соответствии с законами функционирования авторитарно-бюрократической системы, только перестав находиться на ее вершине, Маленков получил возможность ощутить истинное к себе отношение со стороны соратников по руководящему штабу партии и государства. Оказалось, что никто из них фактически не разделял его взглядов, не был приверженцем политических инициатив, выдвинутых им в первый год после смерти Сталина. Причем проявилось это вначале в весьма оригинальной, хотя и типичной для административной системы, форме.

5 января 1955 г. в «Правде» появилась статья А. Курского «Экономический закон планомерного развития народного хозяйства». Лейтмотив ее содержания составляла проблема пропорций в развитии советской экономики. Анализируя статью, нетрудно заметить, что выделенные в ней приоритеты народнохозяйственного развития существенно отличались от тех, которые стремился утвердить в 1953—1954 гг. в экономической политике Маленков.

Еще более жесткой критике основы его политики подверглись в опубликованной 24 января 1955 г. в газете «Правда» статье Д. Шепилова «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма». Формально в качестве объекта критики в ней выступали работы ученых-экономистов Д. Кузнецова, Е. Касимовского, П. Мстиславского, А. Пальцева, опубликованные в 1954 г. в журналах «Вопросы экономики» и «Вопросы философии». Однако фактически статья была направлена против теоретических основ политики Маленкова. Это со всей на-

глядностью подтвердил открывшийся на следующий день Пленум ЦК КПСС.

В докладе Хрущева «Об увеличении производства продуктов животноводства» на январском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС было сказано: «В связи с осуществляемыми за последнее время мероприятиями по увеличению производства товаров народного потребления отдельные товарищи допускают путаницу в вопросе о темпах развития тяжелой и легкой промышленности в нашей стране. Ссылаясь на неправильно понятый и повульгаризаторски толкуемый ими основной экономический закон социализма, такие горе-теоретики пытаются доказывать, что на каком-то этапе социалистического строительства развитие тяжелой промышленности якобы перестает быть главной задачей и что легкая промышленность может и должна опережать все другие отрасли индустрии. Это глубоко ошибочные, чуждые духу марксизма-ленинизма рассуждения. Это не что иное, как клевета на партию. Это отрывка правого уклона, отрывка враждебных ленинизму взглядов, которые в свое время проповедовали Рыков, Бухарин и иже с ними»²⁷.

Эта оценка имела прямое отношение к Маленкову, вопрос о котором специально стоял в повестке дня Пленума. По этому вопросу Хрущев доложил, что Президиум ЦК КПСС поставил перед Центральным Комитетом вопрос об освобождении Маленкова от обязанностей Председателя Совета Министров СССР. Помимо нерешительности и организационной слабости, отсутствия необходимых знаний и опыта хозяйственной деятельности, ему инкриминировался ряд политических ошибок. В частности, им было выдвинуто, как заявил Хрущев, политически вредное положение о форсировании развития легкой индустрии в ущерб развитию тяжелой промышленности в речи на пятой сессии Верховного Совета СССР. «Это не была речь большевистского руководителя, — запальчиво говорил Хрущев. — Это была самая настоящая оппортунистическая речь».

Члены ЦК КПСС признали также теоретически и политически ошибочным вывод Маленкова о том, что третья мировая война приведет к гибели мировой цивили-

²⁷ Хрущев Н. С. Об увеличении производства продуктов животноводства. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 25 января 1955 года. — М., 1955. — С. 4.

лизации. «Не о «гибели мировой цивилизации» и не «о гибели человеческого рода» должен говорить коммунист, — поучал на Пленуме Молотов, — а о том, чтобы подготовить и мобилизовать все силы для гибели буржуазии».

На январском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС Маленков выступал дважды. Первое его выступление не удовлетворило участников Пленума, и он вынужден был подняться на трибуну во второй раз. Признав предъявленные ему обвинения, Маленков, однако, отказался дать политическую оценку своим действиям. Это было сделано в специальном постановлении.

В час дня 8 февраля 1955 г. на заседании сессии Верховного Совета СССР было оглашено заявление Маленкова с просьбой освободить его от поста руководителя правительства. В нем, в частности, говорилось. «Просьба моя вызвана деловыми соображениями о необходимости укрепления руководства Совета Министров и целесообразностью иметь на посту Председателя Совмина СССР другого товарища, обладающего большим опытом государственной работы. Я вижу ясно, что на выполнении сложных и ответственных обязанностей Председателя Совета Министров отрицательно сказывается мой недостаточный опыт местной работы и то, что мне не приходилось в министерстве или каком-либо хозяйственном органе непосредственно управлять отдельными отраслями народного хозяйства.

Считаю также себя обязанным в настоящем заявлении сказать, что теперь, когда Коммунистическая партия Советского Союза и трудящиеся нашей страны сосредоточивают особые усилия по быстрейшему подъему сельского хозяйства, я особенно ясно вижу свою вину и ответственность за сложившееся неудовлетворительное положение дел в сельском хозяйстве, так как в течение ряда лет до этого на меня была возложена обязанность по контролю и руководству работой центральных сельскохозяйственных органов в области сельского хозяйства... Теперь, как известно, по инициативе и под руководством ЦК КПСС выработана генеральная программа по преодолению отставания сельского хозяйства и быстрейшему его развитию. Эта программа опирается на единственно правильную основу — дальнейшее всемерное развитие тяжелой индустрии, и только осуществление ее создаст необходимые условия для действительно-

го подъема производства всех необходимых товаров народного потребления.

Можно ожидать, что разные буржуазные кликуши займутся клеветническими измышлениями в связи с моим настоящим заявлением и самим фактом освобождения от поста Председателя Совмина СССР. Но мы, коммунисты и советские люди, пройдем мимо этой лжи и клеветы. Для каждого из нас превыше всего интересы Родины, народа, Коммунистической партии...»

Решение сессии Верховного Совета СССР удовлетворить просьбу Маленкова и назначить на пост Председателя Совета Министров СССР Булганина вызвало сдержанно-одобрительную реакцию в народе. Рабочий московского завода № 122 Катышев, к примеру, заявил: «Я смотрю на постановление Верховного Совета СССР так: страной руководит партия, а не один человек, и если партия решила, что сейчас у руководства страной должен быть опытный человек, значит, так и надо. Товарища Булганина мы знаем давно как мудрого и опытного политического деятеля и ему доверяем».

Однако проявлялись и критические настроения, еще более окрепшие в условиях послесталинской оттепели. Инженер-конструктор одного из столичных НИИ Рыбаков говорил: «Считаю причины освобождения товарища Маленкова необоснованными. Вопросы сельского хозяйства решаются успешно. Неопытность Маленкова тоже отпадает, так как он долго работал в ЦК КПСС на руководящей работе. Ошибки его нам неизвестны».

Целый ряд коммунистов с недоумением спрашивал: почему Центральный Комитет партии раньше не замечал неподготовленности Маленкова для выполнения большой государственной работы и спохватился лишь тогда, когда были допущены им крупные ошибки в практической деятельности?

Характерное для понимания общественной психологии тех лет суждение высказал парторг цеха одного из московских заводов Хорин: «По-моему, товарищ Маленков принял на себя слишком большую вину. Разве в допущенных ошибках он виноват только один? Конечно, нет. Все работники нашего цеха болезненно встретили заявление Маленкова. Нечего было выставлять причину ухода малоопытностью, надо было мотивировать плохим состоянием здоровья. Это было бы понятнее нашему

народу, а в малоопытность мало верят. Теперь за границей начнутся разговоры вокруг этого»²⁸.

Однако все эти суждения никак не влияли на ход общественных событий. Наступал звездный час политической карьеры Никиты Сергеевича Хрущева.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ПОБЕДЫ ХРУЩЕВА

Значение факта выдвижения Хрущева на роль политического лидера было осознано далеко не сразу даже иностранными дипломатами: какое-то время по привычке пальму первенства отдавали новому главе правительства Булганину. Но уже вскоре наступила полная ясность.

Сегодня закономерно возникает вопрос: какие приобретения и какие потери принесло советскому обществу выдвижение Хрущева на политическую вершину?

Его нахождение там создало прочные гарантии углубления процесса демократических преобразований в стране, наметившихся в 1953—1954 гг. Это со всей наглядностью подтвердил XX съезд КПСС, после которого над страной пронесся ветер перемен, народ воспрянул, ожил, стал смелее и увереннее. Проявив незаурядное личное мужество, Хрущев выступил инициатором более честной и открытой критики культа личности и его последствий. Более последовательно стала вестись борьба за восстановление социалистической законности.

Были сделаны попытки сломать утвердившиеся во времена Сталина отдельные формы авторитарно-бюрократической системы, придать общественному развитию больше динамизма, реализовать гуманистические идеи и ценности, возродить творческий дух ленинизма в теории и практике.

Во многом благодаря Хрущеву стали рушиться прежние стереотипы во внешней политике

Однако политическое лидерство Хрущева имело и вторую сторону, умалчивать о которой также нельзя. Добившись права, по существу, определять политический курс страны, Хрущев способствовал и угасанию ряда, бесспорно, прогрессивных политических тенденций, наметившихся в 1953—1954 гг. Произошло это как в

²⁸ МПА, ф. 4, оп 95, д 1, л 23, 24, 25

силу присущего Хрущеву видения многих принципиальных проблем общественной жизни, так и под воздействием той борьбы, которую он вел, и прежде всего с Маленковым. В наибольшей мере это проявилось в вопросах социально-экономической политики, изменение которой в середине 50-х гг. при активном участии Хрущева способствовало консервации той тенденции, которая сформировалась при Сталине и негативное проявление которой наше общество так зримо ощутило в 80-е гг.

Политика в области народнохозяйственного развития, складывавшаяся в 1953—1954 гг., способствовала существенному усилению социальной направленности экономических преобразований. Было бы заблуждением сегодня идеализировать Маленкова как политика, противопоставляя его Хрущеву. Оба они были детьми одного времени. Но при этом нельзя не признать, что интуитивно Маленков склонялся к политическим решениям, реализация которых объективно приближала партию к научному видению социализма как общественного строя, базирующегося на учете интересов трудящихся масс. Совершенно очевидно, что эта истина была близка и Хрущеву (вспомним хотя бы его роль в развертывании жилищного строительства). Однако своими инициативами в сфере экономической политики Хрущев в отличие от Маленкова, по существу, лишал себя возможности перспективы усиления социальной направленности процесса народнохозяйственного строительства.

Значимость политических установок 1953—1954 гг. не ограничивалась социальным аспектом. Их реализация, как мне представляется, открывала широкий простор экономическим методам хозяйствования, использованию материальных стимулов трудовой активности. Дело в том, что при сложившихся к началу 50-х гг. пропорциях промышленного производства (70% производства приходилось на тяжелую промышленность и лишь 30% — на предметы потребления) о возможности развивать народное хозяйство страны на основе экономических методов говорить не приходилось. Ограниченный объем товаров народного потребления создавал непреодолимый барьер для стимулирования трудовой активности широких масс путем увеличения заработной платы; в случае снятия ограничений на ее размеры заработанный рубль просто нечем было отоварить.

Признав ошибочными взгляды Маленкова по поводу

пропорций промышленного производства, январский (1955 г.) Пленум ЦК КПСС, по сути, навсегда лишил Хрущева как политика возможности ставить официально задачу форсирования производства группы «Б». Хотя в неофициальной обстановке он и высказывал мысли, идентичные идеям Маленкова.

В апреле 1961 г., ознакомившись с выводами проекта новой Программы КПСС о необходимости в будущем осуществлять курс на форсированное развитие тяжелой индустрии, Хрущев, диктуя свои замечания, говорил дословно следующее: «Что главное в коммунистическом обществе? Человек. И поэтому все усилия, физические и умственные, и материальные средства должны быть направлены на лучшее удовлетворение потребностей человека и всего коммунистического общества в целом. Так надо сказать! А тут по-старому сказано...

Мы начинаем регулировать, и как основной показатель этого регулирования — потребность человека, то есть потребность в предметах, производящихся тяжелой промышленностью, то есть средств обороны и средств производства. А средств производства такое количество надо производить, которое необходимо для того, чтобы удовлетворить запросы человеческого общества, то есть средства потребления.

Одно дело двадцать лет тому назад, когда мы говорили — это правый уклон, а теперь другая обстановка, следовательно, другой лозунг должен быть»²⁹.

Однако в течение еще почти трех десятилетий ориентиры в этом плане по-прежнему оставались традиционными, направленными на форсированное развитие тяжелой индустрии. За 1960—1985 гг. производство средств производства возросло в 5,2 раза, тогда как производство предметов потребления — в 4 раза. Именно это обстоятельство явилось основной причиной несостоятельности решений июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС о народнохозяйственной реформе в СССР, замене преимущественно административных методов экономическими. «Сейчас ясно, — был вынужден признать Н. И. Рыжков с трибуны XXVIII съезда КПСС, — провозгласив стратегию ускорения при сохранении прежней структуры общественного производства, сложившейся в тече-

²⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 586, оп. 1, д. 201, л. 14.

ние многих десятилетий, мы не учли, что ее возможности исчерпаны. Структура стала тормозом».

Несовершенство структурных пропорций в конце 50—80-х гг. было предопределено в значительной степени направленностью внешней политики СССР, а точнее, пониманием средств достижения ее целей. Добившись осуждения внешнеполитических взглядов Маленкова, понимавшего огромную опасность гонки вооружений, особенно ядерных, Хрущев, по существу, реанимировал сталинскую концепцию создания условий для устранения войны как средства решения международных вопросов. «Когда СССР превратится в первую промышленную державу мира, — говорил он с трибуны XXI съезда КПСС, — когда могучей индустриальной державой станет Китайская Народная Республика, а все вместе социалистические страны будут выпускать свыше половины мировой промышленной продукции, международная обстановка коренным образом изменится... Настолько очевидным будет новое соотношение сил, что даже самым твердолобым империалистам станет ясной безнадежность любой попытки развязать войну против социалистического лагеря». Такого же взгляда на эту проблему придерживались и те, кто стал у руля партии и государства после Хрущева.

По мере упрочения лидирующего положения Хрущева все отчетливее стали проявляться и его истинные взгляды на методы экономического строительства. Твердо веря в могучие возможности энтузиазма масс еще со времен 30-х гг., он лишь на время, в 1953 г., предстал в качестве ярого сторонника использования материальных стимулов. Необходимость добиться в кратчайшие сроки перелома в сельском хозяйстве, нежелание обострять отношения с бывшим еще в силе Маленковым вынудили Хрущева заявить на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Принцип материальной заинтересованности предприятия и каждого работника в отдельности в результатах труда является одним из коренных принципов социалистического хозяйствования». Однако, как только стало вырисовываться преимущество Хрущева над Маленковым, который, судя по всему, значение экономических методов признавал намного глубже своего оппонента, вопросы материального стимулирования сразу же выпали из поля зрения тогдашнего первого руководителя. Главный упор был сделан на моральные фак-

торы. Обосновывая, в частности, в 1957 г. значение лозунга «Догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения», Хрущев с убеждением говорил: «Думаю, когда мы это объявим, у каждого появится желание вступить в борьбу и каждый захочет что-то сделать, чтобы помочь своему колхозу, совхозу, району, помочь своей области, республике, в целом всей стране решить эту важную задачу, решить раз и навсегда».

Аналогичным образом трансформировались взгляды Хрущева и по вопросу о личных подсобных хозяйствах. Причем все это уже тогда, в 50-е гг., мгновенно было подмечено народом, который видел в материальном стимулировании главное средство повышения эффективности производства.

Многое из того ошибочного, что было присуще Хрущеву как политику, видели его соратники по Президиуму ЦК КПСС. Видели, но осмелились сказать об этом лишь в октябре 1964 г. Не потому ли, что, отбросив предлагавшуюся в 1953 г. идею «коллективного руководства», Хрущев, по существу, вновь воссоздал систему единоличного правления?

Одним словом, исторические уроки борьбы за политическое лидерство поучительны.

Научно-популярное издание

Опенкин Леонид Антонович

ОТТЕПЕЛЬ: КАК ЭТО БЫЛО (1953—1955 гг.)

Гл. отраслевой редактор А. Н. К и л я х и н

Редактор Л. Б. Я с т р е б о в

Мл. редактор И. В. Ф е д о р о в а

Худож. редактор М. А. Г у с е в а

Техн. редактор Н. В. К л е ц к а я

Корректор Е. И. А л ь ш е в с к а я

ИБ № 11619

Сдано в набор 30.01.91. Подписано к печати 22.04.91. Формат бумаги 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,47. Уч.-изд. л. 3,63. Тираж 23 640 экз. Заказ 134. Цена 30 коп. Издательство «Знание», 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 910004. Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Дорогой читатель!

Брошюры этой серии в розничную продажу не поступают, поэтому своевременно оформляйте подписку.

Подписка на брошюры издательства «Знание» ежеквартальная, принимается в любом отделении «Союзпечати».

Напоминаем Вам, что сведения о подписке Вы можете найти в каталоге «Всесоюзные газеты и журналы» в разделе «Подписные серии издательства «Знание».

ЗНАНИЕ

Цена подписки
на год
3 руб. 60 коп.

Издательство
«Знание»

Наш адрес:
101835,
Москва, Центр,
проезд Серова, 4